

Рина
Рогри

500 лет
ожидания

Рина Рофи

500 лет ожидания

<https://litres.ru/74207692>

Аннотация

Не думала, что сон может стать явью..Но он стал.. Все началось с котенка, найденного на дороге, который в последствии оказался белым Лисом...Сначала я думала ,что мой сон - это просто сон...Но, оказывается, это отголоски прошлого, которого я не помню...Но он напомнит мне обо всем, ведь я жена первого вестника Инари.

Что ждет:

- действия в Японии, Киото - главная героиня мангака - встреча с миром духов и первым вестником Инари, а так же самой Инари - перерождение - любовь сквозь века - любовь в настоящем мире и мире духов - маленькие духи-хранители дома, превращающиеся в котят и не только - первая встреча в мире людей в день цветения сакуры - юмор, смешные ситуации, романтическая атмосфера японии, без откровенных сцен 18+ - ХЭ

Содержание

Глава 1. Сон.	4
Глава 2. Реальность	10
Глава 3. Кадр, достойный пера	12
Глава 4. Редакция	25
Глава 5. Найденыш	34
Глава 6. Лис	45
Глава 7. Нормальный лис	54
Глава 8. РЭН-любовь	64
Глава 9. Его оценка	73
Глава 10. Щекотка	79
Глава 11. Рэн Камисиро	83
Глава 12. Посланник	90
Глава 13. Сон	101
Глава 14. Рэнносукэ Сирояма	108
Глава 15. Разговор	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Глава 1. Сон.

Знаете, иногда сны настолько реальны и настолько красивы, что не хочется просыпаться.

За окном Киото живёт своей жизнью — в бешеном, сбивающем дыхание ритме. Где-то там, за тонким стеклом, гудят поезда, звенят велосипедные звонки, стучат каблучки по асфальту. Люди спешат, разговаривают по телефонам, пьют кофе на ходу. Я знаю этот город наизусть. Его запахи, его шум, его вечную спешку. Я и сама часть этого ритма, когда с головой ухожу в работу, сутками не выпуская перо из пальцев, вывожу контуры новых персонажей в блокноте.

Но стоит мне уснуть и реальность отступает.

Там, во сне, расцветают сады. Простираются бесконечные рисовые поля, зелёные и влажные, с отражающимся в воде небом. Шепчутся густые леса, и где-то среди всего этого прячется старинный храм неизвестного бога. Я не знаю, чей он. Никогда не видела такого вживую — только там, в зыбком мире грёз.

И снова, каждую ночь, стоит мне только закрыть глаза, я вижу одну и ту же картину. Один и тот же сюжет. Он стопорится в один и тот же момент — как заезженная пластинка, как старый фильм, застрявший на одном кадре, но эта пластинка уже до боли знакомая. Привычная.

Я знаю этот сон наизусть. И жду его.

Сначала — лёгкий ветерок, пахнувший травой. Потом — земля под босыми ступнями, мягкая и тёплая. Я иду мимо полей с полевыми цветами и яркие мазки красок колышутся вокруг меня: алые, лиловые, золотистые. Касаюсь их пальцами и лепестки вздрагивают. Иду мимо рисовых плантаций, где вода зеркально блестит, отражая облака. Иду вперёд, ведомая смутным, тянущим чувством внутри — туда, к горному лесу.

Наверх ведёт песчаная тропинка. Песок под ногами мягкий, утопающий, но идти легко. Чем дальше я поднимаюсь, тем гуще становится лес, смыкаются кроны деревьев, отсекая солнечный свет. Становится тихо — так тихо, что исчезают даже шорохи. Нет птиц. Нет ветра. Только моё дыхание и мягкий шелест шагов.

А потом я вижу их.

Тории. Красные тории — врата перед храмом. Они тянутся в ряд, одна за другой, уходя вверх, в глубину леса. Ярко-алые на фоне тёмной зелени, они светятся, будто изнутри. Я прохожу под первой аркой, и воздух меняется. Становится гуще. Слаще. Пахнет старым деревом, ладаном и чем-то ещё — чем-то, чему я не знаю названия. Энергия здесь другая. Будто само время замедляется, уступая место чему-то вечному.

Рядом стоят статуи кицунэ — вестников Инари. Лисы.

Они как живые. Не камни, не изваяния, замершие существа. Кто в прыжке, вытянув хвост струной. Кто свернувшись

шись калачиком, положив острую мордочку на лапы. Кажется, моргни и они оживут. Смотрят на меня пустыми, но такими внимательными глазами. Я невольно задерживаю дыхание.

Они знают, что я здесь. Всегда знали.

Прохожу дальше, и вот он сам храм.

Он не похож на храм Фусими Инари. Я видела его десятки раз на фотографиях и вживую. Тот — величественный, шумный, полный туристов и молитв. Этот... другой. Он как будто потерян. Скрыт от посторонних глаз. Или спит глубоко, беспробудно, а я хожу по его сну.

Будто само время замерло в этом месте. Нет ветра, нет звуков, нет движения. Только я и этот храм. Старый, заброшенный, но такой красивый, что щемит сердце. С него слезает краска, дерево потемнело от влаги, но от него веет такой силой, такой древней, глубокой энергетикой, что у меня подкашиваются ноги.

Я подхожу ближе. Ступеньки скрипят под ногами.

Внутри, в полумраке, спиной ко мне стоит мужчина.

Он в каригину — старинном одеянии, и по светлой ткани текут лепестки пламени, вышитые алым и золотым. Длинные белые волосы ниспадают с плеч тяжёлой волной, перетянутые алой лентой. Они почти светятся в темноте храма.

Я замираю. Сердце пропускает удар. Я не могу сказать ни слова. Воздух застревает в горле. Я знаю, что сейчас будет — я видела это столько раз, что могу пересказать по секундам,

но каждый раз это как впервые.

Он медленно оборачивается. Я не вижу лица — только слышу, только движение. И слышу голос — низкий, глубокий, обволакивающий, как лесной туман. Голос, от которого дрожит что-то внутри, в самой глубине, там, где не бывает слов.

— Ты пришла... жена.

И я просыпаюсь.

Всегда на этом моменте. Всегда. Рывком распахиваю глаза, задыхаясь, прижимая ладонь к бешено колотящемуся сердцу. За окном всё тот же Киото — серый, гудящий, живой. На тумбочке вибрирует телефон, оповещая о дедлайне. Я снова в своей квартире. Снова одна. Снова мангака Мэй, у которой горят сроки.

Но я знаю, что завтра ночью я снова пойду по песчаной тропинке. Снова увижу красные тории и белые волосы, перетянутые алой лентой. Снова услышу его голос.

И может быть, однажды... он скажет что-то ещё.

Я моргаю. Потолок. Моя квартира. Серая, утренняя — или уже не утренняя? — мгла за окном.

Телефон на тумбочке вибрирует. Противно, настойчиво. Я поворачиваю голову, и сонная одурь слетает в один миг. Экран горит непрочитанными сообщениями и пропущенными звонками. Одиннадцать штук. От одного контакта.

Такахаси-сан.

Чёрт.

Я подскакиваю на кровати, хватаю телефон и смотрю на

часы. Два часа дня. Два часа! Как?! Я же легла вчера в десять вечера — уставшая, выжатая, мечтающая хоть немного поспать перед сдачей раскадровки. И вот — проспала полдня. Никогда. Никогда со мной такого не было. Я просто... исчезла в этом сне? Растворилась!

Телефон вибрирует снова. Двенадцатый звонок.

Я делаю глубокий вдох, задерживаю дыхание и нажимаю «принять».

— Алло... Такахаси-сан, доброго вам дня, — голос у меня хриплый, сонный, предательски дрожит. Я прочищаю горло и кланяюсь в пустоту, потому что по-другому с редактором нельзя, даже по телефону. — Прошу меня простить... я... я не услышала будильник. Мне нет оправдания.

На том конце тишина. Густая, тяжёлая. Потом сухой вздох.

— Мэй-тян. Ты вообще помнишь, что сегодня крайний срок?

Такахаси-сан — мужчина лет сорока, всегда безупречно вежливый, но умеющий одной интонацией вогнать в землю по самую макушку. Я сжимаюсь, кусая губу.

— Да... конечно помню. Пожалуйста, простите меня, — я снова кланяюсь, телефон прижат к уху. — Это полностью моя вина. Я уже работаю. Через два часа пришлю всё на почту.

— Через час, Мэй-тян. Типография не ждёт.

— Да. Пожалуйста, берегите себя в это время года, — я

машинально произношу вежливую формулу заботы о здоровье, всё ещё кланяясь невидимому собеседнику.

Он смягчается. Чуть-чуть. Я слышу это по тону.

— Ладно. Жду файлы. И пожалуйста, Мэй-тян... не заставляй меня сидеть раньше времени.

— Да... спасибо вам большое, Такахаси-сан.

Отбой.

Я роняю телефон на кровать и падаю лицом в подушку. Сердце всё ещё колотится. Не от звонка — от сна. От голоса. От этого «жена». Кто он? Что это за храм? И почему я сплю полдня и не могу проснуться, будто сон не хочет меня отпускать?

Трясу головой. Работа. Сначала работа, Мэй. Потом ты сойдёшь с ума.

Я поплелась на кухню, включила чайник, открыла блокнот с раскадровкой. Чистый лист смотрит на меня с укором. Я беру перо, макаю в тушь. И замираю.

Потому что рука сама выводит не диалог из манги. Не сцену очередной главы.

Она выводит контур лисьих ушей. И алую ленту в длинных белых волосах.

Глава 2. Реальность

За окном была весна.

Она вползала в мою квартиру запахом влажной земли и чего-то сладкого, цветочного, едва уловимого. Ещё неделя и зацветёт сакура. Киото накроет розовой пеной и весь город выйдет на ханами. Я обожала это время, когда лепестки кружатся в воздухе, как розовый снег, а люди достают бэнто и бутылки с сакэ, усаживаясь на синих брезентовых пледах под деревьями.

А ещё весной фестиваль в храме кицунэ.

Я думала о нём, машинально водя кисточкой по бумаге. Лисьи уши на наброске получались слишком чёткими. Я убрала кисточку в сторону и потянулась до хруста в спине.

Фестиваль кицунэ... В этом году он выпадал на начало апреля. Я ходила туда в прошлом году одна, с блокнотом в рюкзаке и камерой на телефоне. Мне нужны были референсы для манги про духов-хранителей, и лисий храм казался идеальным источником вдохновения. Красные тории, статуи лис — сотни каменных кицунэ с хитрыми мордами и красными фартуками. Запах благовоний, жареного моти, девушки в юкатах с лисьими масками, дети с барабанами и фонари — оранжевые огоньки вдоль аллеи торий, похожие на светящиеся лисьи глаза.

Надо сходить и в этом году и заодно развеяться, а то я со-

всем заработалась. Последний месяц — сплошные дедлайны, кофе и бессонные ночи. Ничего удивительного, что снятся такие яркие сны. Мозг просто перерабатывал всё, что я видела и читала за последнее время.

Кицунэ, храмы, старинные одежды — я же мангака, у меня в голове целая библиотека визуальных образов. Плюс я реально фанатела от всего, что связано с лисами. У меня дома целая полка с фигурками, масками и старыми книжками про лис-оборотней. Неудивительно, что подсознание подкидывало такие картинки. Даже персонаж интересный получился — мужчина в каригину с белыми волосами и алым узором пламени. Надо записать в блокнот, пока не забыла. Вдруг пригодится для нового сюжета.

Я взяла телефон и открыла календарь. Фестиваль через 10 дней. Отлично. Как раз успею сдать текущую главу Такахаши-сану и освободить себе день.

Может, Харуку позвать? Она давно жаловалась, что я мало выхожу из дома. Посмеёмся, поедим уличной еды, я сделаю пару зарисовок. Просто хороший весенний день.

Я отпила уже остывший чай и вернулась к работе. Набросок с лисьими ушами перевернула чистой стороной. Сначала раскадровка. Потом всё остальное.

Глава 3. Кадр, достойный пера

Я наконец-то выслала раскадровку. Позже, чем поанировала...Пальцы ещё дрожали над клавиатурой, когда я нажала «отправить» и откинулась на спинку стула. Всё. Готово. Такахаси-сан получит файлы и, надеюсь, не убьёт меня за опоздание.

Старая манга шла тяжело. Очень тяжело.

Я вела её уже третий год. История про студентку художественного колледжа и её соседа по общежитию — романтика, повседневность, бытовые зарисовки. Фанаты любили её. По выходным я получала письма от читателей, видела фан-арт в соцсетях, на фестивалях ко мне выстраивалась очередь за автографами. Им нравилась эта история. Они ждали каждую новую главу, переживали за героев, писали трогательные отзывы.

А у меня как отрезало.

Я смотрела на чистый лист — и не чувствовала ничего. Ни азарта, ни волнения, ни желания узнать, что будет дальше с моими персонажами. Просто пустота. Они там встречались, ссорились, мирились, ходили в кафе, говорили какие-то слова... А я сидела и думала: зачем? Кому это интересно? Мне — уже нет.

Бытовуху писать — скучно.

Пусть и с рейтингом восемнадцать плюс. Постельные сце-

ны, страсти, всё как полагается. Но это не спасало. Откровенные сцены можно рисовать красиво, технично, но если за ними нет ничего — какой смысл?

Я потянулась к кружке с остывшим чаем, сделала глоток и поморщилась. Холодный. Как и мой энтузиазм к старой манге.

На столе всё ещё лежал перевернутый набросок с лисьими ушами. Я перевернула его обратно. Посмотрела на тонкие линии. Потом достала чистый лист и быстро, почти не задумываясь, набросала ещё один эскиз. Красные тории, уходящие вверх. Силуэт мужчины спиной. Длинные белые волосы. Каригину с лепестками пламени.

Вот оно. Вот что меня заводит. Вот что заставляет сердце биться быстрее.

Надо поговорить с Такахаси-саном. Серьёзно. Не по телефону — лично. Пусть поставит меня на фантастику. Тем более и сюжет уже есть.

Я взяла телефон и открыла чат с редактором. Пальцы зависли над экраном. Такахаси-сан только что получил от меня задержанную раскадровку, а я уже собираюсь грузить его новой идеей. Не лучший тайминг, Мэй. Не лучший.

Но если не сейчас, то когда? Я так больше не могу. Ещё одна глава про свидания, ссоры и совместные походы в супермаркет и я просто сойду с ума. Или вообще брошу рисовать.

Набрала сообщение коротко, без деталей:

«Такахаси-сан, спасибо за ожидание. Файлы отправила. Есть важный разговор. Можно завтра зайти в редакцию?»
Отправила.

Сердце колотилось. Я снова посмотрела на набросок с ториями и беловолосым мужчиной. Лисья нечисть. Храмы. Зброшенные святилища. Духи, боги, грань между сном и явью. Вот что мне интересно. Вот что я хочу рисовать. В конце концов, если твой собственный сон подкидывает тебе готовый сюжет, грех не воспользоваться.

Телефон пиликнул. Ответ от Такахаси-сана:

«Получил. Завтра в три. И да, Мэй-тян... последняя глава была откровенно сухой. Ты сама это знаешь. Жду объяснений.»

Я вздохнула. Он прав. Он всегда прав.

Завтра в три. Значит, у меня есть время привести мысли в порядок и подготовить питч для нового проекта. А может... может, и новые наброски показать.

Я потянулась, встала из-за стола и подошла к окну. Закатное солнце красило крыши Киото в оранжевый. Где-то там, в горах, стоял храм из моего сна.

Я заглянула в холодильник. В нём мышь повесилась. Не буквально, конечно, но пусто было именно так: одинокая упаковка натто сиротливо жалась к стенке, в ящике для овощей завалился подсохший имбирь, а на дверце сиротливо позвякивала полупустая бутылка соевого соуса. Всё. Ни яиц, ни риса готового, ни остатков вчерашнего ужина. Даже лап-

ши быстрого приготовления не осталось.

Чёрт.

Я закрыла дверцу и привалилась лбом к прохладному пластику. Желудок напомнил о себе жалобным урчанием. Есть хотелось, а рисовать на голодный желудок — то ещё удовольствие. Придётся идти в магазинчик. Я натянула толстовку, сунула ноги в кроссовки и вышла за дверь.

Квартиру я снимала у доброго старичка по имени Ямада-сан. Ему было под восемьдесят, он жил в основном доме, а флигель с отдельным входом сдавал за символическую плату. Место оказалось практически на окраине, почти рядом с лесом. Тишина. Покой. Никаких тебе шумных соседей, лающих собак, грохочущих поездов, только ветер в кронах деревьев, шорох листвы и далёкое пение птиц.

Красиво.

Я остановилась на крыльце и вдохнула полной грудью. Вечерний воздух пах хвоей и чем-то сладким — кажется, зацветали первые кустарники. Узкая улочка уходила вниз по склону холма, петляя между старыми домами. Фонари уже начинали загораться. Где-то вдалеке темнела полоса леса густого, древнего, подступающего почти вплотную к заднему двору.

Одиноко, конечно, но это то, что нужно для вдохновения. Я всегда так говорила. В Токио, где я жила раньше, было слишком шумно, слишком много людей, слишком много отвлекающих факторов. Здесь, на окраине Киото, в ста-

ром флигеле с деревянными полами и видом на лес, думалось лучше. И рисовалось лучше. По крайней мере, так было раньше, до того, как старая манга начала высасывать из меня душу.

Я зашагала вниз по улице. Магазинчик «У Судзуки» работал допоздна — маленький семейный бизнес, где продавали всё: от свежих онигири до батареек и моющих средств. Хозяйка, Судзуки-сан, знала меня в лицо и всегда делала скидку на просроченный моти.

Лес шумел справа. Тёмный, влажный, полный теней. Я бросила взгляд в его сторону — просто так, без задней мысли. И замерла на полшага. Между стволов мелькнуло что-то белое.

Я прищурилась. Ничего. Только ветки покачиваются. Только тени сгущаются.

Показалось.

Я тряхнула головой и пошла дальше, сунув руки в карманы толстовки. Вот до чего доводит работа на износ - уже белые пятна в лесу мерещатся. Надо поесть. Надо выспаться. И ни в коем случае не думать о лисьих ушах и алых лентах.

Магазинчик «У Судзуки» встретил меня тёплым жёлтым светом и привычным дребезжанием колокольчика над дверью. Пахло свежей выпечкой и старыми деревянными полками. Я схватила корзинку и пошла вдоль рядов.

Набрала всего и побольше. Онигири с лососем и с умэбо-си про запас, в холодильник. Упаковку лапши быстрого при-

готовления на крайний случай, когда лень готовить. Свежие яйца, рис в пакете, тофу, зелёный лук, овощи для быстрого приготовления. Ещё взяла пачку любимых рисовых крекеров и шоколадку для настроения.

И соджу. Бутылку холодного, прямо из холодильника у кассы - для творческого настроения.

Судзуки-сан, хозяйка, пробила товары, поправила очки и улыбнулась.

— Мэй-тян, ты сегодня поздно. Заработалась опять?

— Ага, — я выдохнула, доставая кошелёк. — Дедлайн горел. Пришлось гнать раскадровку.

— Молодёжь, — покачала она головой. — Совсем себя не бережёте. Купила бы хоть нормальной еды, а не лапшу эту.

— Я и нормальной купила, — я кивнула на пакет с овощами.

— Вижу-вижу. Соджу — это тоже нормальная еда, да?

— Для вдохновения, Судзуки-сан. Исключительно для работы.

Она рассмеялась и протянула мне сдачу. Я поблагодарила, подхватила пакеты и вышла в прохладный весенний вечер.

Назад шла медленнее — пакеты оттягивали руки. Лес справа стоял тёмный и спокойный. Никаких белых пятен, никаких теней. Обычный лес. Обычный вечер. Я даже улыбнулась сама себе — вот дура, мерещится всякое.

Дома разобрала покупки, загрузила рис в рисоварку, овощи отправила в холодильник. Соджу поставила на стол. По-

смотрела на бутылку. Потом на блокнот с раскадровкой. Потом снова на бутылку.

Старая манга. Бытовуха. Студентка и её сосед.

Я села за стол, открыла соджу, налила в стакан. Сделала глоток. Холодная, чуть сладковатая, обжигающая.

Может, если немного расслабиться, старая манга наконец взорвётся цветом и эмоциями? Может, я просто слишком зажата, слишком устала, слишком давлю на себя? Может, ей просто не хватает... огня?

Я сделала ещё глоток. Потом взяла перо.

И начала рисовать.

Не раскадровку. Просто — для себя. Пусть рука идёт, куда хочет. Пусть линии будут свободными, пусть эмоции льются через край. Соджу приятно согревал изнутри и впервые за долгое время я чувствовала, как уходит напряжение из плеч. Как отпускает.

Завтра в три — разговор с Такахаси-саном. Завтра я скажу ему, что хочу фантастику. Что старая манга больше не моя. Что у меня есть новая идея, и она гораздо сильнее.

А сегодня...

Сегодня я просто порисую. Для души. Под соджу и шорох весеннего ветра за окном.

За окном что-то бухнуло.

Я вздрогнула, чуть не опрокинув стакан с соджу. Звук был глухой, далёкий, но ощутимый — будто где-то тяжело ухнуло железо о железо. Я прислушалась. Тишина. Только ветер

шумит в кронах.

Я нацепила халат поверх домашней футболки и вышла на крыльцо.

Ничего. Абсолютно ничего. Двор пустой, фонарь у калитки горит ровным жёлтым светом, кусты сирени колышутся от ветра. Я поёжилась - весенний вечер всё-таки прохладный. Уже собралась возвращаться, когда заметила свет.

Там, в стороне железной дороги, что-то светилось. Ярко, неестественно ярко для этого времени. Видать, на железной дороге что-то случилось.

Я сунула ноги в тапочки и пошла посмотреть.

Сюжеты есть везде, главное увидеть их. Так я всегда говорила. Вдруг там что-то интересное, а я не посмотрю? Да-да, знаю, любопытство — враг, но я же чуть-чуть. Только гляну одним глазком и сразу обратно.

Я спустилась по склону. Тапочки скользили по влажной траве, приходилось идти осторожно. Огляделась — никого. Улочка пустая, окна соседних домов тёмные. Я пошла дальше.

Железная дорога со скоростными поездами была примерно в километре от моего дома. Днём туда можно было дойти за пятнадцать минут по тропинке через рощу, ночью — чуть дальше. Обычно мерный стук колёс здорово убаюкивал, особенно когда я рисовала допоздна и ложилась под утро. Ритмичный, успокаивающий перестук. Сейчас его не было слышно. Тишина стояла такая, что звенело в ушах.

Свет от станции становился ярче.

Я прошла мимо закрытого ларька с напитками, обогнула старый указатель и вышла к путям.

И замерла.

На рельсах стоял какой-то странный вагон. Нет, не вагон — целый поезд. С паровозом. Я нахмурилась. Может, новая модель? Какая-нибудь ретро-серия для туристов? Или спецсостав, который гоняют по ночам для тестов?

Но выглядел он... необычно. Слишком старый. Слишком настоящий. Чёрный металл, поблёскивающий в свете станционных фонарей. Медные поручни. Деревянная обшивка. Никаких электронных табло, никаких современных опознавательных знаков. Просто поезд. Просто старый паровоз, который будто сошёл с картинки в учебнике истории.

Я стояла и смотрела. Двери открыты. Свет внутри горит мягкий, тёплый. И никто не выходит.

Никто.

Я огляделась. Станция пустая. Турникеты работают, лампочки горят, табло над платформой показывает какое-то странное время. На скамейке никого. В будке дежурного тоже темно.

И поезд стоит с открытыми дверями.

Я сделала пару шагов вдоль платформы. Заглянула в ближайшую дверь. Внутри чисто, аккуратно. Деревянные сиденья с красной обивкой. Старинные светильники под потолком. Ни души.

— Эй? — позвала я негромко. — Есть кто?

Тишина.

Только пар от паровоза тихо шипит, оседая на платформе лёгким туманом.

Я поёжилась. Халат совсем не грел. Надо было куртку накинуть. И, наверное, надо развернуться и пойти домой. Мало ли — может, съёмки какие-то. Или историческая реконструкция. Или я просто выпила больше соджу, чем думала.

Но вместо этого я стояла и смотрела на открытые двери.

Потому что из вагона пахло не машинным маслом и не железом.

Пахло полевыми цветами. И старым лесом.

Как во сне.

Я отступила от поезда, обогнула его и зашла со стороны паровоза. Заглянула в окна — никого. Пусто. Только ровный тёплый свет горит внутри...

— Ха, — выдохнула я вслух. — Ну точно. Реконструкция. Или к съёмкам дорамы готовятся.

Точно. Сейчас весна, сезон новых сериалов. Наверняка какая-нибудь историческая дорама про эпоху Тайсё или Мэйдзи. Или романтическая история про студентку и машиниста паровоза. У них там всегда красивые костюмы, старинные поезда, ветер развевает волосы героини, герой поправляет фуражку...

Может, айдолы какие приедут. Популярные актёры, которых я видела в журналах и по телевизору.

Я мечтательно вздохнула.

Актёры всегда красивые. Высокие, статные, с идеальными причёсками и поставленными голосами. Я представила, как по платформе идёт кто-нибудь вроде Ямаситы Томохисы или Сато Такэру в старинной форме машиниста, с серьёзным взглядом и лёгкой улыбкой.

Эх.

Может, когда-нибудь и по моей манге тоже снимут сериал. Или полнометражный фильм. И на премьеру я приеду на такой же красивой ретро-машине, в шикарном платье, а фанаты будут выкрикивать моё имя...

Я одёрнула себя. Размечталась. Сначала надо старую мангу добить. Или новую начать — фантастику, с лисами, духами и старыми храмами. Вот где простор для воображения. Вот где красивые герои. Не то что бытовуха про студентку и соседа.

Я ещё раз оглядела пустую платформу. Тишина. Только пар от паровоза стелется по асфальту. Красиво, кстати. Атмосферно.

Ладно, хватит с меня ночных приключений. Завтра в три — редакция. Надо выспаться и привести мысли в порядок.

Я развернулась и пошла к тропинке, засунув руки в карманы халата. За спиной тихо шипел паровоз, и жёлтый свет от вагонов ещё долго маячил между деревьями, пока я поднималась по склону к дому.

Я уже почти дошла до тропы, когда обернулась.

Поезд всё так же стоял на месте.

Чёрный паровоз, окутанный паром, тёплый свет льётся из окон, пустая платформа, жёлтые фонари. Тишина. И этот мягкий туман, стелющийся по рельсам, подсвеченный изнутри.

Красивый кадр. Как в анимации Хаяо Миядзаки.

Я замерла. Вот оно — то самое чувство, когда реальность вдруг становится похожей на рисунок. Когда композиция, свет, цвет — всё складывается идеально, как на раскадровке. Так и хотелось достать телефон и сфотографировать. Или запомнить. Или зарисовать прямо сейчас, пока не выветрилось из головы.

Пар клубился у колёс. Фонари отражались в мокром асфальте платформы. И поезд — тёмный, старый, таинственный — стоял неподвижно, будто ждал кого-то.

— Удивительно, — прошептала я сама себе.

Вот так просто. Ночь, случайный звук, любопытство и ты уже стоишь посреди сцены, достойной пера Миядзаки. Может, это знак? Может, мир подсказывает мне, что пора рисовать что-то другое? Что-то волшебное, воздушное, не от мира сего?

Я улыбнулась. Завтра Такахаси-сан. Завтра я ему всё скажу.

Развернулась и пошла к дому. Ветер шумел в кронах, где-то вдалеке наконец застучали колёса обычного поезда и ночь снова стала обычной весенней ночью на окраине Киото.

Но перед глазами ещё долго стоял тот самый кадр, как в анимации Хаяо Миядзаки.

Глава 4. Редакция

Я встала в десять. Голова после вчерашнего соджу была ясной — то ли выпила мало, то ли организм уже привык. Быстрый душ, лёгкий макияж, волосы собрала в небрежный пучок. Оделась по-простому: джинсы, свободный свитер, рюкзак с блокнотом и набросками. Всё. К редактору не на показ мод идти.

Сборы в редакцию заняли минут двадцать. Центр города — это не моя окраина с лесом и тишиной. Там шумно,людно, высокие здания, офисные работники с кофе в руках. Я быстро дошла до остановки, села в автобус и заняла место у окна.

Ехать долго. Утренние пробки в Киото — то ещё испытание. Автобус полз медленно, дёргался в такт светофорам, за окном мелькали витрины, велосипедисты, школьники с ранцами. Я уткнулась в телефон.

Сообщение от Харуки.

Харука — моя школьная подруга. Мы дружили уже лет десять. Она работала в небольшом издательстве, занималась дизайном обложек, и была, пожалуй, единственным человеком, который мог вытащить меня из дома.

— Мэй! Может, в кафе? Посидим, поболтаем? А то ты из-за своей манги света белого не видишь.

Я улыбнулась. Харука всегда беспокоилась обо мне. И бы-

ла права — я действительно засиделась. Последний раз мы виделись недели три назад, и то я тогда постоянно смотрела на часы.

Набрала ответ:

— Сегодня в три в редакцию к Такахаси-сану. После — свободна. Давай в «Хатори»? Часов в пять?

Ответ пришёл мгновенно:

— Отлично! Только попробуй не прийти — приеду к тебе домой и вытащу силой. У меня есть новости!

— Какие?

— В кафе расскажу. Всё, работай, не отвлекаю. Целую!

Я хмыкнула и убрала телефон в карман. Новости у Харуки — это всегда что-то интересное. То она влюбилась, то её повысили, то она нашла новый сорт чая с лепестками сакуры и теперь всем об этом рассказывает. В любом случае — хороший повод отвлечься.

Автобус наконец вырвался из пробки и покатил быстрее. За окном поплыли центральные улицы — широкие проспекты, офисные здания, рекламные щиты с айдолами. Ещё пара остановок и моя.

Я проверила рюкзак. Блокнот на месте. Наброски с лисьи-ми ушами — тоже. Осталось только собраться с духом и сказать Такахаси-сану то, что я должна сказать.

Я вышла на остановке. И сразу пожалела, что не взяла с собой наушники.

Куча людей. Толпа людей. Боже.

Центр Киото в час пик — это муравейник. Люди текли сплошным потоком по тротуарам, обтекали меня с двух сторон, спешили, толкались, говорили по телефонам. Офисные работники в строгих костюмах, студенты с папками, туристы с картами и фотоаппаратами, женщины с колясками. Все куда-то неслись, и я вместе с ними просто потому что иначе нельзя. Остановишься — снесут.

Я прижала рюкзак к груди и нырнула в поток.

Господи, как же я отвыкла. У себя на окраине я видела от силы трёх человек в день: Ямада-сан, Судзуки-сан из магазинчика, иногда почтальона. А тут — сотни, тысячи лиц. Мелькают, сменяются, исчезают. Запах кофе, духов и выхлопных газов. Гул голосов. Визг тормозов.

Я шла, лавируя между людьми, и мечтала только об одном — поскорее добраться до редакции. Там хотя бы тихо. Ну, относительно.

На перекрёстке застряла на светофоре. Огляделась. Высокие здания уходили в небо стеклянными фасадами. Огромные рекламные экраны мигали яркими цветами. Где-то играла музыка из кофейни. Красиво, конечно. Энергично. Но не моё.

Я скучала по своему лесу. По тишине. По скрипу старых половиц и шороху ветра в кронах.

Зелёный. Поток людей снова пришёл в движение. Я перешла дорогу и свернула в переулок, где находилось здание издательства. Здесь было потише. Всего пара кафе, книжный

магазин и небольшой сквер с лавочками.

Я остановилась перед стеклянными дверями, поправила рюкзак и посмотрела на своё отражение. Ну, Мэй. Давай. Скажи ему. Фантастика. Новый сюжет. Лисы. Храмы. Ты сможешь.

Глубокий вдох. Выдох.

И я толкнула дверь.

Внутри редакции было шумно.

Я даже замерла на пороге, прижимая рюкзак к груди. Беру свои слова назад — здесь не тихо. Здесь вообще не тихо. Крики, возмущение, споры — всё смешалось в один гул, разносящийся по опенспейсу.

— Я сказал — не пойдёт! Где динамика?! Где эмоции?! — надрывался чей-то редактор, размахивая листами раскладки перед носом бледного паренька-мангаки.

— Но Танака-сан, вы же сами просили больше диалогов...

— Диалогов! А не пустой болтовни на три страницы!

В другом углу два автора спорили до хрипоты, тыкая пальцами в общий набросок.

— Этот поворот сливает всю арку!

— Ничего он не сливает! Это гениально!

— Гениально? Да это бред! Читатели нас сожрут!

— Пусть жрут! Это искусство!

Пролетел скомканный лист бумаги. Кажется, в кого-то попали. Кажется, никто даже не заметил.

Я прошла мимо кофейного автомата, возле которого уста-

лый ассистент редактора пытался зачихнуть в себя онигири, одновременно отвечая на три звонка. Девушка за соседним столом плакала, уткнувшись в клавиатуру, а её редактор стоял над душой и монотонно повторял: «Ну и что, что плачешь. Дедлайн через час».

Типичный день в издательстве манги.

Я пробралась сквозь этот хаос, стараясь никого не задеть и не привлечь внимания. Кабинет Такахаси-сана был в конце коридора, за стеклянной перегородкой. Я остановилась перед дверью, перевела дух и постучала.

— Войдите.

Голос спокойный, ровный. Как островок тишины посреди всего этого безумия.

Я открыла дверь и вошла.

Такахаси-сан сидел за столом, прямой как струна. Белая рубашка с закатанными рукавами, галстук чуть ослаблен — единственная уступка концу рабочего дня. Перед ним на столе лежали распечатки моей последней главы. Я сразу их узнала по красным пометкам на полях. Много пометок. Очень много.

— Садись, Мэй-тян.

Я села. Рюкзак пристроила на коленях, руки сложила, как примерная ученица перед строгим учителем. В кабинете было тихо, только кондиционер гудит да приглушённый шум редакции за дверью.

Такахаси-сан поправил очки и посмотрел на меня долгим,

тяжёлым взглядом, потом взял распечатку, пододвинул ко мне и ткнул пальцем в первую же страницу.

— Это что?

Я посмотрела. Сцена в кафе. Диалог на три страницы. Герои обсуждают, что будут есть на ужин.

— Это... сцена в кафе, Такахаси-сан...

— Я вижу, что сцена в кафе. Я спрашиваю — это что? Три страницы диалога о еде. Три страницы, Мэй-тян. Твои читатели ждали эту главу два месяца. Два! И что они получили? Разговор о том, какие онигири вкуснее — с лососем или с тунцом.

— Там ещё был момент с зонтиком...

— Один момент! — он поднял палец. — Одна страница из трех. Всё остальное — вода. Пустая, пресная, никакая вода. Где развитие? Где конфликт? Где то, за что читатели полюбили эту историю?

Я молчала. Крыть было нечем, потому что он прав.

— Мэй-тян, — он вздохнул и снял очки. — Я работаю с тобой три года. Ты талантливый художник. У тебя отличное чувство композиции, ты умеешь рисовать эмоции, ты знаешь, как построить кадр. Но это, — он постучал пальцем по распечатке, — это рисовал не талантливый художник. Это рисовал человек, которому всё равно.

Я опустила голову.

— Мне не всё равно...

— Тогда что? Объясни. Я слушаю. Зачем ты просила о

встрече?

Я сжала колени. Сейчас или никогда.

— Я хочу сменить жанр, Такахаси-сан.

Тишина.

— Что?

— Я больше не могу писать бытовуху. Я... вы правильно сказали. Мне всё равно. Уже полгода всё равно. Я сижу над каждой главой и выдавливаю из себя сюжет, которого нет. Мне скучно. Персонажи не развиваются, потому что мне нечего им дать. Я исчерпала эту историю. Я хочу... я хочу фантастику.

Такахаси-сан молчал. Смотрел на меня, сложив руки на столе. Потом вздохнул.

— Фантастику.

— Да.

— Фэнтези? Духи? Мистика?

— Да. Лисы. Храмы. Сны и реальность. У меня уже есть идея. И наброски.

Я полезла в рюкзак, достала блокнот и протянула ему. Он открыл. Долго смотрел на эскиз лисьих ушей. На тории. На мужской силуэт в каригину.

— Хм.

— Это ещё сырое, — быстро добавила я. — Но я чувствую - это моё. Вот здесь, — я прижала руку к груди. — Здесь горит. Старая манга не горит уже давно. А эта идея горит. Дайте мне шанс. Хотя бы пилотную главу.

Он перевернул страницу. Потом ещё одну.

— Кицунэ?

— Да.

— Главный герой — лис?

— Да. Дух храма. Или бог. Или... я ещё продумываю.

Такахаси-сан закрыл блокнот, снял очки и потёр переносицу.

— Знаешь, Мэй-тян... обычно я не разрешаю авторам перескакивать с жанра на жанр, пока они не закончат текущий проект.

Я замерла.

— Но.

Сердце ёкнуло.

— Твоя последняя глава была настолько плоха, что продолжать в том же духе — значит убить серию. Поэтому... — он посмотрел на меня. — Принеси мне пилот через неделю и мы посмотрим, стоит оно того или нет.

Я выдохнула, кажется, впервые за весь разговор.

— Спасибо, Такахаси-сан!

— Не благодари раньше времени. Если пилот будет таким же сухим, как эта глава, — никакой фантастики. Добьёшь старую мангу. Поняла?

— Поняла. Будет не сухим. Обещаю.

— Иди уже. И да, Мэй-тян...

— Да?

— Лисья идея — интересная. Не запори.

Я кивнула, схватила блокнот, рюкзак и вылетела из кабинета, пока он не передумал.

Глава 5. Найденыш

Кафе находилось за углом от редакции. В кафе пахло кофе и свежей выпечкой. Я заняла наш любимый столик у окна, заказала латте и стала ждать. За окном всё ещё шумел город, но здесь, внутри, было уютно и спокойно — приглушённый свет, джаз из колонок, тихий смех посетителей.

Харука ворвалась в кафе как ураган. Растрёпанная, с горящими глазами, в ярко-жёлтом платье.

— Мэй! — она плюхнулась на стул, бросила сумку на соседнее кресло и тут же подозвала официанта. — Мне то же самое и ещё чизкейк! Два чизкейка! Нет, три!

— Три чизкейка? — я подняла бровь. — У тебя праздник или ты собралась топить в них печаль?

— Праздник! — она засмеялась и подалась вперёд. — Вернее... это просто что-то с чем-то. Я должна тебе рассказать. Я больше не могу молчать.

— Давай. Ты же обещала новости.

— Новости? — она всплеснула руками. — Это не новости, Мэй. Это сюжет для твоей манги. Честное слово. Записывай.

Я хмыкнула и достала блокнот. Больше для вида — Харука любила, когда её драматично слушают.

— Короче. Ты же знаешь, у меня сосед за стенкой. Я тебе говорила. Новый жилец, заехал месяц назад.

— Говорила. Ты ещё сказала, что он симпатичный.

— Симпатичный? — она закатила глаза. — Мэй, он не симпатичный. Он как с обложки журнала. Высокий, плечи — во, волосы тёмные, взгляд такой... ну ты понимаешь. Я как его в первый раз увидела, чуть почти не выронила. Но я же скромная. Я же не знакомлюсь просто так. Я жду судьбу.

— И судьба пришла?

— Судьба пришла в виде моей кошки, — Харука сделала драматическую паузу и отпила латте. — Короче. Вчера вечером. Я после душа, сижу в халатике, смотрю дораму, ем мороженое. Всё чинно, благородно. И тут эта мелкая зараза — Микан — решает, что ей срочно нужно исследовать лестничную клетку.

— О нет.

— О да! Я выхожу из квартиры, чтобы её поймать. В халатике. В одном халатике, Мэй. Коротеньком таком, розовеньком. Ну думаю — сейчас быстро схвачу кошку и обратно. Кто меня увидит? Ночь. Тишина. Все спят.

— Но не все.

— Но не все, — она трагически кивнула. — Я бегу за Микан по лестничной клетке, она скачет как ненормальная. Я за ней. И тут — бах! — дверь соседа открывается. И он выходит. Просто выходит мусор вынести, представляешь?!

— Представляю, — я уже начинала смеяться.

— Я замираю. Он замирает. Микан — единственная, кто радуется жизни, — трётся об его ноги. Он смотрит на меня. Я смотрю на него. И тут... — Харука спрятала лицо в ладо-

нях. — Мой халатик развязывается.

— Нет.

— Да! Просто берёт и развязывается! Поясок — фьють! — и я стою в одних трусах, Мэй. В одних трусах! Перед соседом, которого вижу второй раз в жизни. На лестничной клетке. С кошкой, которая орёт как ненормальная.

Я зажала рот ладонью, но смех всё равно прорвался.

— А он?

— А он... — Харука отняла руки от лица и уставилась в потолок с видом мученицы. — Он поймал мою кошку. Посмотрел на меня. На мой халатик. На мои трусы. А потом поднял глаза и говорит: «Вот это подарочек мне от соседки».

Я захохотала в голос. Люди за соседним столиком обернулись.

— Он так и сказал?!

— Слово в слово! Вот это подарочек! А сам улыбается, гад такой красивый. Я стою, прикрываюсь спадающим халатиком, красная как помидор. Микан орёт. Он протягивает мне кошку и говорит: «Может, познакомимся? А то я даже имени твоего не знаю, а уже почти всё увидел».

— О боже, — я вытерла выступившие слёзы. — И что дальше?

— Дальше? — Харука расплылась в улыбке. — Дальше он пригласил меня на ужин. Сегодня. В восемь.

— Серьёзно?

— Серьёзно! Я полтора часа выбирала платье. Мэй, он

невероятный. И он поймал мою кошку. И он не убежал с криком, когда увидел меня в одних трусах. По-моему, это судьба.

— По-моему, это сюжет для моей манги, — я подняла блокнот. — Можно я запишу?

— Только имя поменяй, — она засмеялась. — И дай героине хотя бы нормальный халат. Который не развязывается.

— Ни за что. Халат — ключевая деталь.

Мы заказали ещё кофе. Харука болтала без умолку — о соседе, о работе, о новых туфлях. А я сидела и думала, что вот оно — живое, настоящее. Не придуманное, не вымученное. Просто жизнь. Просто случай на лестничной клетке. Просто два человека, кошка и развязавшийся халат.

Может, в моей новой манге тоже должно быть что-то такое? Не только лисы и храмы, но и смех. Неловкость. Случайность. Жизнь.

Я открыла блокнот и сделала пометку на полях: «Халат. Лестничная клетка. Кошка. Подарочек».

Харука, заметив это, подмигнула.

— Если станешь знаменитой — с меня чизкейк.

— Естественно.

Я вышла из кафе, попрощавшись с Харукой. Она упорхнула в сторону своего свидания. Я проводила её взглядом и достала телефон. Набрала маму.

Гудки. Два, три, четыре. Сейчас возьмёт трубку, и начнётся...

— Мэй! Наконец-то!

— Привет, мам.

— Я уж думала, ты забыла, как пользоваться телефоном. Третью неделю не звонишь. Я уже хотела сама ехать, проверить, жива ли ты вообще.

— Жива, мам. Работаю.

— Знаю я твою работу. Сидишь в своей квартире, рисуешь круглые сутки, ешь одну лапшу. Кстати, ты ешь нормально? Хотя бы рис варишь? Или опять один фастфуд?

— Варю, мам. И овощи покупаю. Вчера вот купила целый пакет.

— Овощи - это хорошо, — в трубке послышалось сомнение. — Но ты всё равно худая, тощая и бледная. Приезжай, я тебя откормлю.

Я улыбнулась, прислонившись к фонарному столбу.

— Обещаю. Кстати, как папа?

— Папа в порядке. Спрашивал о тебе вчера. И дедушка приезжает.

— Дедушка?

— Да. Из деревни. На следующей неделе будет здесь. Хочет повидать всех. Так что собирайся — надо посетить семью, Мэй. Ты совсем забыла про нас.

Я вздохнула. Мама была права. Я действительно давно не была дома. Последний раз на Новый год, и то всего на два дня. Дел было много, манга, дедлайны... Но дедушка — это другое. Он редко выбирался из своей деревни, и если уж при-

езжал — это было событие.

— Хорошо, мам. Я приеду. На следующей неделе. Обещаю.

— Вот и славно, — голос мамы сразу стал мягче. — Ой, кстати! Ты же помнишь Ямамото-сан? Нашу соседку?

— Помню. А что?

— У неё сын приехал. Из Токио. Молодой, красивый, образованный. Работает в какой-то крупной компании. Архитектор, кажется. Или инженер.. Не помню. Но мальчик — загляденье.

Я почувствовала, куда дует ветер.

— Мам...

— Что «мам»? Я просто говорю. Красивый мальчик. Высокий, вежливый, с хорошей работой. Приехал к матери помогать по хозяйству. Разве не чудо? В наше-то время и такой почтительный сын.

— Мам, я знаю, к чему ты клонишь.

— Я ни к чему не клоню! — мама изобразила оскорблённую невинность, но я слишком хорошо её знала. — Просто говорю: пора бы о семье подумать, Мэй. Тебе уже двадцать один. Я в твоём возрасте уже замужем была и тебя ждала.

— Мам...

— Не мамкай. Я не говорю — прямо завтра замуж, но приглядеться стоит. Мальчик-то хороший. Приедешь — познакомлю. Просто как соседи. По-дружески. Чаю попью.

Я закатила глаза, глядя в тёмнеющее небо.

— Мам, у меня вообще-то работа. Новая манга. Сроки горят.

— А жизнь она не только работа, Мэй. Манга твоя подождёт. А хорошие мальчики на дороге не валяются. Всё. Решено. На следующей неделе жду. И не спорь.

— Я и не спорю...

— Вот и умница. Целую. Передай Харуке привет. И ешь нормально!

— Хорошо, мам. Люблю тебя.

— И я тебя. До встречи.

Я нажала отбой и убрала телефон в карман.

Красивый мальчик. Сын соседки. Архитектор или инженер. Мама в своём репертуаре. Каждый раз одно и то же — стоило мне задержаться без парня дольше полугода, как она начинала сватать всех окрестных молодых людей. В прошлый раз это был племянник почтальона. В позапрошлый — сын хозяйки пекарни. Теперь вот Ямамото-сан и её загляденье-сын.

Я усмехнулась и пошла к остановке.

Впрочем, съездить домой и правда надо. Дедушка. Родители. Деревенский воздух. Может, это даже поможет с новой мангой. Тишина, природа, старые дома. Вдохновение.

И от маминой стряпни я бы не отказалась.

А что касается красивого мальчика... посмотрим. Может, он действительно такой, каким его описывает мама. Но сердце у меня сейчас занято другим.

Занято лисами, храмами и беловолосым мужчиной, который называет меня женой.

Даже если он существует только во сне.

Я доехала до своей станции уже в сумерках. Автобус посадил меня на той самой остановке, где утром я ныряла в толпу. Сейчас народу было меньше — несколько человек с работы, пара студентов, старушка с сумкой. Я спрыгнула на платформу и пошла привычным маршрутом.

Мимо ларька с напитками. Мимо старого указателя. И вот она — та самая станция, где ночью стоял странный поезд.

Я замедлила шаг. Платформа была пуста. Никакого паровоза. Никакого пара. Обычная станция — турникеты, скамейки, табло с расписанием. Тусклый свет фонарей отражался в мокром асфальте. Словно и не было ничего.

— Ну точно съёмки, — пробормотала я себе под нос. — Разобрали декорации и увезли.

Я пошла дальше по тропинке через рощу. Вечерний воздух был прохладным, пахло сырой землёй и первой зеленью. Где-то вдалеке стучали колёса обычного поезда — мерно, убаюкивающе. Я думала о разговоре с Такахаси-саном, о Харуке и её соседе, о мамином «красивом мальчике». Мысли текли вяло, спокойно.

И вдруг я остановилась.

Прямо посреди тропинки, свернувшись калачиком, что-то лежало.

Маленькое. Белое. Пушистое.

Я присела на корточки. Котёнок. Совсем крошечный — помещается в ладонь. Белая шерстка, мокрый нос, маленькие ушки прижаты к голове. Он спал, свернувшись в клубок и тихо сопел. Хвост был аккуратно обёрнут вокруг тела.

— Эй, малыш, — прошептала я. — Ты откуда тут?

Котёнок не проснулся. Даже не шевельнулся. Я осторожно коснулась его пальцем — тёплый. Живой. Просто спит. Я огляделась. Никого. Только деревья и тропинка. Откуда он здесь взялся? Ближайший дом — мой, а у Ямада-сан кошек не было. Может, подбросили? Или потерялся?

— Ну и что мне с тобой делать? — спросила я у спящего котёнка. — Не оставлять же тебя тут. Лисы тут водятся, между прочим и дикие собаки. Съедят тебя, такого беленького и беззащитного.

Котёнок не ответил. Я вздохнула, сняла рюкзак, расстегнула молнию. Осторожно, чтобы не разбудить, подхватила тёплый комочек и устроила у себя на коленях. Потом так же осторожно переложила в рюкзак, оставив его приоткрытым для воздуха.

— Посиди пока тут. Дома разберёмся.

Котёнок приоткрыл один глаз, яркий, янтарный, совсем не кошачий по цвету, посмотрел на меня и снова заснул.

Я поднялась и пошла домой, стараясь не трясти рюкзак.

Дома я первым делом расстелила на столе старое полотенце и аккуратно вытащила найдёныша. Котёнок наконец проснулся. Зевнул, показав крошечные острые зубки. Сел,

обернул хвост вокруг лап и уставился на меня своими янтарными глазами.

И тут я замерла.

Уши. У него были не кошачьи уши. Слишком большие. Слишком треугольные. И мордочка не кошачья — вытянутая, острая, совсем как у...

Я наклонилась ближе.

— Ты не котёнок, — прошептала я.

Пушистый хвост. Белая шерсть. Янтарные глаза. Вытянутая мордочка. Острые уши, которые то вставали торчком, то прижимались к голове. Лисёнок. Самый настоящий лисёнок. Белый.

Я выпрямилась и уставилась на него. Он смотрел на меня. Спокойно. Изучающе. Будто не я его нашла, а он меня ждал всё это время.

— Так, — сказала я в пустоту. — Белые лисы только в питомниках. Или на фермах. Или... откуда ты вообще взялся?

Лисёнок склонил голову набок.

Я села на стул и потёрла виски. Белые лисы — это редкость. В дикой природе они не встречаются. Их разводят специально на фермах, в питомниках, для меха или для красоты. Может, сбежал откуда-то? Сбежал, забрёл в лес, потерялся...

— Ты чей, а? — спросила я. — С питомника сбежал? Хозяева тебя ищут, наверное.

Лисёнок зевнул. Потом встал на все четыре лапы, потя-

нулся, выгнув спину, и совершенно по-хозяйски улёгся на полотенце. Положил мордочку на хвост. Прикрыл глаза.

Я смотрела на него.

Белый. Белый как снег. Как лунный свет. Как...

Как волосы того, из сна.

Я тряхнула головой. Нет. Это просто совпадение. Белый мех. Янтарные глаза. Обычный лисёнок-альбинос. Такие бывают в питомниках. Наверняка кто-то разводит их неподалёку. Завтра обзвоню, узнаю. Или дам объявление.

А пока...

— Ладно, — вздохнула я. — Переночуешь у меня. По-кормлю чем-нибудь. Но завтра ищем хозяев.

Глава 6. Лис

Чёрт. Чем питаются лисы?

Я стояла перед открытым холодильником и тупо смотрела на его содержимое. Тофу. Яйца. Овощи. Соевый соус. Соджу. Ничего из этого, подозреваю, лисы не едят. Разве что в корейских дорамах лисы-кицуне любят печень, но это вообще не в ту степь.

Лисёнок сидел на полотенце и наблюдал за мной. Терпеливо. С достоинством. Будто ждал, когда глупый человек наконец сообразит, что делать.

— И не смотри на меня так, — пробормотала я. — Я мангака, а не ветеринар. Я рисую лис, а не кормлю их.

Лисёнок склонил голову набок. В янтарных глазах ни капли сочувствия.

Я закрыла холодильник. Порылась в шкафчиках. Рисовые крекеры. Шоколад. Лапша. Сухие завтраки. Ничего подходящего. Может, мясо? Откуда у меня мясо в холодильнике, если я почти его не ем?

Надо звонить бабушке.

Я взяла телефон, нашла в контактах «Дедушка» и нажала вызов. Гудки пошли...

— Алло? — раздался в трубке родной, чуть хрипловатый голос.

— Дедушка! Привет. Это Мэй.

— Мэй? — он явно обрадовался. — Внучка! А я как раз про тебя думал. Мне мама твоя сказала, что ты на следующей неделе приедешь. Это правда?

— Правда, дедушка. Обязательно приеду. Но я сейчас по другому поводу. У меня тут... эм... чрезвычайная ситуация.

— Какая? — голос у него сразу стал серьёзным. — Что-то случилось? Ты в порядке?

— Я в порядке. Просто я нашла кое-кого. Точнее, он меня нашёл. В общем... дедушка, чем кормить лис?

В трубке повисла пауза.

— Лис?

— Маленького. Белого. Лисёнка. Я шла домой, он лежал на тропинке. Я думала, котёнок. А оказался лисёнок. Настоящий. Белый.

— Белый лисёнок? — дедушка присвистнул. — Редкость какая. У нас в горах таких отродясь не водилось. Откуда ж он взялся?

— Понятия не имею. Думаю, может, из питомника сбегал. Но сначала надо его покормить, а я понятия не имею чем. В холодильнике тофу и соджу. Лисы такое не едят, да? Дедушка рассмеялся.

— Не едят, внучка. Лисам нужно мясо. Сырое. Курица подойдёт. Или говядина нежирная. Можно варёное яйцо. Только без соли. И воду обязательно поставь. Молоко не давай — от молока у них живот болит.

Я схватила ручку и быстренько записала на полях блок-

нота: «Мясо. Курица. Яйцо варёное. Без соли. Вода. НЕ молоко».

— А ещё ему тепло нужно, — продолжал дедушка. — Замерз, небось. Ты его в коробку какую посади, тряпок мягких накидай. Пусть спит.

— Поняла. Коробка, тряпки.

— А завтра обзвони питомники в округе. Может, правда сбежал.

— Обзвоню. Дедушка, спасибо. Ты меня спас.

— А как же, — я прямо слышала, как он улыбается. — Ты ж моя внучка. Мы с тобой помнишь сколько котят выходили, когда ты мелкая была?

— Помню, — я улыбнулась. — Мама ругалась, а ты говорил, что у тебя сарай большой и ей не видно.

— И ведь работало! — дедушка снова рассмеялся. — Эх, Мэй. Приезжай скорее. Я тут без тебя скучаю. И мать с отцом тоже. И соседский парень приехал — слышала уже, небось?

— Слышала, дедушка. Мама мне все уши прожужжала.

— Ну, мама у тебя женщина настойчивая, но ты не поддавайся. Если не хочешь — не надо. Я на твоей стороне, ты же знаешь.

— Знаю, дедушка. Ты мой герой.

— А ты моя внучка. Ладно, беги, корми найдёныша. И звони, если что. Я всегда на связи.

— Спасибо. Люблю тебя.

— И я тебя. Всё. До встречи.

Я положила трубку и посмотрела на лисёнка. Тот по-прежнему сидел на полотенце, обернув хвост вокруг лап. Ждал.

— Значит так, — сказала я, поднимаясь. — У меня для тебя плохие новости — курицы в доме нет, но есть яйцо. Сварю. Будешь есть?

Лисёнок моргнул. Кажется, согласился.

Я пошла ставить кастрюлю на плиту, думая о дедушке. Шестьдесят пять лет, а всё такой же — надёжный, тёплый, с вечной усмешкой в голосе. В детстве он прикрывал все мои шалости. Прятал от мамы найденных котят в сарае. Учил меня рисовать птиц и деревья. Рассказывал старые легенды о горных духах и лисах-оборотнях.

Самый настоящий герой для своей внучки.

И сейчас, спустя столько лет, он снова пришёл на помощь. Пусть и по телефону.

Я улыбнулась и положила яйцо в кастрюлю. Лисёнок за моей спиной тихо твякнул. Кажется, он был согласен с моим выбором героя. Вода закипела, я подождала 7 минут и подставила кастрюльку под холодную воду остудить. Затем достала его, очистила, разрежала пополам и вышла в комнату.

Лисёнка не было.

Полотенце пустое. Только маленькая вмятина осталась там, где он лежал.

— Эй, ты где?

Тишина.

Я поставила тарелку на стол и оббежала свою небольшую квартирку. Кухня — нет. Ванная — нет. Под столом — нет. Чёрт. Где же ты?

Я натянула кроссовки прямо на босые ноги и выбежала на улицу. Двор пустой. Кусты сирени колышутся от ветра. Калитка приоткрыта. Я выскочила за калитку, огляделась.

Никого.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Сбежал. Точно сбежал. Маленький, глупый, белый. А если он дом не найдёт? Вдруг я далеко унесла его от питомника или от того места, где он жил? Он же крошечный совсем. Потеряется. Заблудится. Пропадёт. Я бегом обогнула соседние дома. Заглянула под кусты, под заборы, под старую скамейку у дороги. Окликнула. Присвистнула. Даже на корточках присела, как будто это могло помочь.

Никаких следов.

Боже. Боже. Боже.

А вдруг его собаки раздерут? Или птицы — коршуны или вороны? Я своими глазами видела, как коршун унёс мышь с поля. А лисёнок не сильно-то больше мыши. Ноги гудели, кроссовки натёрли пятки, потому что без носков. Фонари горели уже в полную силу, и лес за домом стоял чёрный, глухой, равнодушный.

Никого.

Я вернулась домой. Уставшая. Расстроенная. Злая на себя — надо было в коробку посадить, как дедушка сказал. А я

дура, оставила на полотенце.

Зашла в комнату.

И замерла.

На моём диване лежал лис.

Не лисёнок. Большой лис. Огромный. Белый как снег. Пушистый хвост свисал с подлокотника и почти касался пола. Острые уши стояли торчком. Янтарные глаза смотрели прямо на меня — спокойно, изучающе, с лёгкой скептической искоркой. Будто это не он у меня дома, а я у него.

Я взвизгнула.

— Я ничего не сделала! Я люблю Инари! Честно! Я всегда жертвую в храм! Боже, откуда ты?!

Лис моргнул. Медленно. Снисходительно. И даже не пошевелился.

Я прижала ладонь к бешено колотящемуся сердцу и вдруг разозлилась.

— Это мой диван! Мой! Слышишь? Иди в поля! Тебе там лучше! Там мыши, природа, свежий воздух! А это моя квартира!

Лис зевнул. Широко, показывая впечатляющий набор клыков. Потом опустил морду на лапы и прикрыл глаза.

Самый невозмутимый лис во Вселенной.

Я стояла посреди комнаты, всё ещё в кроссовках на босу ногу, и смотрела на него. Он лежал на моём диване так, будто этот диван всегда принадлежал ему. Будто это я тут гость. Будто весь дом, лес за окном и весь мир — его территория.

А я так, мимо проходила.

— Ты... — начала я и осеклась.

Лис приоткрыл один глаз. Посмотрел на меня. И снова закрыл.

Я села на стул и просто смотрела на белого лиса, который спал на моём диване, как у себя дома.

Надо позвонить в питомники. Спросить, может, заберут. Или хотя бы объяснят, что делать с белым лисом, который занимает твой диван быстрее, чем ты успеваешь моргнуть.

Я потянулась за телефоном.

Лис поднял голову. И рыкнул.

Негромко. Но очень, очень убедительно. Низкий горловой звук прокатился по комнате, и я взвизгнула, телефон вылетел из рук и упал на пол.

Лис слез с дивана.

Я замерла. Сердце ухнуло в пятки. Всё. Самая глупая смерть в истории человечества: покусана лисом в собственной квартире на окраине Киото. Завтра меня найдёт Ямада-сан. Или не найдёт. И мама скажет: «Я же говорила — не живи одна около леса».

Лис прошёл мимо.

Просто прошёл мимо меня. На кухню. К столу, где стояла тарелка с нарезанным яйцом. Понюхал. И съел.

Я так и осталась сидеть, вжавшись в стену. Он реально съел яйцо. Аккуратно, с достоинством, даже не чавкая. Потом облизнулся, развернулся и прошёл обратно в комнату,

даже не взглянув на меня.

Я выдохнула. Кажется, первый раз за последние две минуты.

Ладно. Ладно. Яйцо ему понравилось. Уже плюс. Может, он не будет меня есть, если я буду его кормить? Так ведь работает дружба с дикими животными?

Я тихонько, вдоль стеночки, пробралась в ванную. Сполоснула ноги — кроссовки на босу ногу сделали своё дело, пятки горели. Вымыла руки. Посмотрела на себя в зеркало. Вид был дикий: растрёпанная, бледная, с безумными глазами.

— Мэй, — сказала я своему отражению. — У тебя в квартире белый лис. Ты понимаешь, что это ненормально?

Отражение не ответило. Только вздохнуло. Я вытерла руки и пошла в спальню.

И замерла на пороге.

На моей кровати, развалившись как кот, лежал лис. На подушке. На моей подушке. Белая шерсть на тёмном покрывале, пушистый хвост свешивается на пол, глаза закрыты. Как ни в чём не бывало.

— Э-э-э... — протянула я. — Я сплю на диване. Ладно. Хорошо. Отлично. Прекрасно.

Лис не ответил. Даже ухом не повёл.

Я прошла в гостиную. Сердце всё ещё выпрыгивало, но мозг уже начал сдаваться. Если дикий зверь хочет спать на твоей кровати — пусть спит. Ты всё равно не сможешь его

оттуда выгнать. Ты видела его клыки. Ты слышала его рык. Ты знаешь своё место в пищевой цепочке. И оно где-то между яйцом и диваном.

Я легла на диван. Укрылась пледом. Долго смотрела в потолок, слушая тишину. За стеной, в спальне, спал белый лис и это было самой странной вещью, которая случалась со мной за последние... да вообще за всю жизнь.

Глава 7. Нормальный лис

Сон пришёл быстро. Тот самый сон. Без изменений.

Цветущие сады. Рисовые поля. Тропинка в горный лес. Красные тории. Статуи кицунэ. Храм, затерянный во времени. И мужчина в каригину с лепестками пламени. Белые волосы. Алая лента. Голос: «Ты пришла... жена».

Но сегодня что-то было иначе.

Тепло. Мягкое, обволакивающее тепло. Будто кто-то лежал рядом, прижавшись к боку. Будто большая, пушистая, тёплая... лиса.

Я распахнула глаза.

На диване, вытянувшись вдоль моего бока, спал лис. Белый. Огромный. Тёплый. Его хвост лежал у меня на ногах, а нос почти касался моего плеча.

Я взвизгнула так, что зазвенели стёкла.

Грохнулась с дивана. Запуталась в плёде. Вскочила. Схватила табуретку — первое, что попало под руку.

— Не ешь меня! Я невкусная! Честно! Я ем лапшу и пью кофе! Я горькая!

Лис поднял голову. Посмотрел мне в глаза. Медленно. Спокойно. Даже немного лениво. А потом перевёл взгляд ниже.

Я замерла.

Его взгляд скользнул вниз — туда, где на моей груди чет-

вёртого размера съехала футболка после сна. Я машинально посмотрела вниз. Потом на него. Потом снова вниз.

Лис не сводил взгляд.

И облизнулся. Медленно. Со вкусом.

Я взвизгнула громче прежнего.

— Ты!.. Ты!.. Я тебе не еда! Иди ешь яйца! У меня грудь не для лис! Совсем не для лис!

Лис зевнул. Снова положил морду на лапы. И прикрыл глаза с видом глубочайшего удовлетворения.

А я так и стояла с табуреткой в руках, красная как помидор, и понимала, что только что меня разглядывал лис. И, кажется, оценил.

Боже. Боже. Боже.

Я схожу с ума. Мама права. Харука права. Я становлюсь дикарём. Сажу в своей квартире на окраине леса, рисую мангу сутками, не вижу людей неделями и вот результат. Меня преследует лис. Огромный белый лис, который ест мои яйца, спит на моей кровати и разглядывает меня так, будто я — главное блюдо в меню.

Класс. Просто класс.

Я прикрыла грудь руками. Без лифчика, в одной тонкой футболке, которая после сна съехала с плеча и теперь вообще непонятно что прикрывала. Лис не сводил взгляда. Янтарные глаза смотрели внимательно, изучающе и совершенно не по-звериному.

А потом он перевёл взгляд ниже.

На мои трусики.

Я пискнула. Честное слово, пискнула, как мышь.

— Так! Всё! Хватит! — я попятилась, одной рукой прикрывая грудь, другой всё ещё сжимая табуретку. — Это просто животное. Просто лис. Просто... дикая... белая... лиса...

Лис склонил голову набок. Уши встали торчком. В янтарных глазах мелькнуло что-то такое, от чего мне стало ещё более неловко. Будто он прекрасно понимал, что я говорю. И его это забавляло.

Мне точно мерещится.

Это просто животное. Просто лис. Лисы не разглядывают женские трусики с таким... с таким интересом. Это всё моё воображение. Моя богатая, извращённая мангакская фантазия. Я слишком много рисую. Слишком много думаю о сюжетах. Вот и мерещится всякое.

— Ты лис, — сказала я вслух, медленно отступая в сторону спальни. — Ты животное. Ты не понимаешь, что такое грудь и трусики. Ты понимаешь только яйца и курицу. Да?

Лис моргнул. Медленно. Снисходительно.

— Вот именно, — я добралась до двери спальни. — А теперь я пойду оденусь. Как нормальный человек. А ты... ты сиди тут. На диване. Как нормальный лис.

Я юркнула в спальню, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали. Я сползла вниз по двери и села на пол, всё ещё прижимая ладони к груди.

Мама права. Мне нужен парень. Харука права. Мне нужно чаще выходить из дома. Я сижу тут одна, и мой единственный собеседник — белый лис, который, кажется, положил на меня глаз.

В прямом смысле.

Я закрыла лицо руками и тихо застонала.

Надо позвонить бабушке. Надо позвонить в питомник. Надо что-то делать. Но сначала — лифчик. И штаны. Штаны — это важно. Потому что если лис будет смотреть на меня так всё время, пока он здесь... Я не выживу. Я отошла от двери. Выдохнула. Всё. Спокойно. Это просто лис. Дикое животное. Красивое, редкое, белое — но животное. Сейчас я надену лифчик, потом нормальные штаны, потом...

Я стянула футболку через голову.

И тут дверь открылась.

Лис вошёл. Просто толкнул мордой ручку — и вошёл. Встал на пороге. Янтарные глаза уставились прямо на меня.

Я взвизгнула и закрыла грудь руками.

— Ты!.. Как ты!.. Дверь!.. — я попятилась, врезалась спиной в шкаф и замерла. — Ты вообще офигел?! Это спальня! Женская спальня! Иди на диван! Иди есть яйца! Иди куда угодно, только не сюда!

Лис не двинулся. Сидел в дверном проёме, хвост аккуратно обёрнут вокруг лап. Смотрел. Просто смотрел. Я зажмурилась. Может, если закрыть глаза, он исчезнет? Может, это всё сон? Может, я всё ещё сплю на диване, и сейчас проснусь,

и никакого лиса нет, и...

Открыла глаза.

Лис по-прежнему сидел в дверях.

— Ты не исчез, — констатировала я. — Ты вообще не собираешься исчезать, да?

Лис склонил голову набок. В янтарных глазах — ни стыда, ни совести. Только спокойное, изучающее любопытство. Я сползла по шкафу вниз, на корточки, всё ещё прижимая руки к груди. Футболка валялась на полу. Лифчик лежал на кровати. Между мной и лифчиком — три метра и один белый лис.

— Послушай, — сказала я максимально спокойным голосом. — Я понимаю, что ты животное. Ты не разбираешься в человеческой... хм... этике. Но у людей есть правила. Когда девушка переодевается — смотреть нельзя. Понимаешь? Нель-зя. Фу. Плохо.

Лис зевнул.

— Вот именно, — я попыталась улыбнуться. — Мы друг друга поняли. А теперь — вышел. Выйди. Пожалуйста.

Лис не вышел. Лис лёг. Прямо в дверном проёме. Положил морду на лапы. Прикрыл глаза. Но я готова была поклясться, что он всё ещё смотрит на меня сквозь ресницы.

— И что мне делать? — спросила я в потолок. — Сидеть тут весь день? Без футболки? Пока ты не решишь, что тебе надоело?

Тишина.

— Ты невозможный, — прошептала я. — Ты самый невозможный лис во всей Японии. Может, во всём мире. Может, вообще в истории человечества.

Лис чуть повёл ухом. Кажется, ему понравилась эта характеристика. Он открыл глаза. И снова облизнулся. Медленно, со вкусом, глядя прямо на меня.

Я прижалась спиной к шкафу так сильно, что ручка впилась в лопатку.

— Может, ты голодный? — голос дрожал, но я пыталась говорить разумно, спокойно, как с диким зверем. — Я не еда! Понимаешь? Не еда! Я девушка! Живая! Мангака! А ты... ты, судя по всему, мальчик! Я видела! Ты мальчик-лис! А это комната девочек! Выйди туда! Выйди, пожалуйста!

Лис приподнял голову.

— Rrrr.

Тихо. Низко. Утробно. Звук прокатился по комнате и ухнул куда-то в район моего живота.

Я замерла. И пискнула. Это был не страшный рык. Не агрессивный. Это было что-то другое. Что-то, отчего по спине побежали мурашки, а коленки стали ватными.

— Хороший лис, — прошептала я, всё ещё прижимая руки к груди. — Хороший мальчик. Иди на кухню. Там... там ещё яйцо есть. Хочешь яйцо? Сварю тебе целых два. Три! Три яйца! Только выйди, пожалуйста.

Лис не шевелился. Смотрел. В янтарных глазах плясали золотые искры. И мне совершенно не нравилось то, что я в

них видела. Потому что это был не голод. Во всяком случае — не тот голод, который утоляют яйцами.

Он встал на лапы и направился ко мне.

Я сжалась в комок на полу, колени подтянула к груди, руками изо всех сил прикрывалась. Сердце колотилось где-то в горле. Футболка валялась в другом углу комнаты. Лифчик — на кровати. Между мной и спасением — белый лис, который приближался медленно, плавно, бесшумно. Он подошёл сбоку, я зажмурилась, ожидая чего угодно — укуса, рыка, атаки.

Вместо этого он начал меня обнюхивать.

Горячее дыхание коснулось плеча. Я почувствовала, как он ведёт носом по шее — медленно, тщательно, будто запоминает запах. По плечам. По рукам, которыми я всё ещё прикрывала грудь. Влажный нос скользнул по моему предплечью.

Я сидела и не дышала.

Он лизнул мою руку. Один раз. Шершавый язык прошёлся по коже — горячий, осторожный, совсем не такой, как у собаки. Я вздрогнула, но не пошевелилась. Он снова повёл носом — теперь у виска. У волос. У уха. Дыхание было тёплым, размеренным, и от него пахло не зверем. Пахло лесом.

Я распахнула глаза. Лис стоял прямо надо мной, заслоняя свет из окна. Янтарные глаза были так близко, что я видела в них своё отражение — сжавшаяся, полуголая, с безумным взглядом. А потом он отступил. Просто развернулся и вышел

из спальни. Хвост мелькнул в дверном проёме и исчез.

Я выдохнула. Сердце колотилось. Кожу на руке, там где он лизнул, всё ещё покалывало. В коридоре слышался звук — он улёгся на диван.

Я сидела на полу спальни, голая по пояс, босая, с красными пятнами на щеках, и пыталась понять, что это вообще сейчас было. Потому что лисы так себя не ведут. Дикие животные так себя не ведут.

Надо позвонить в питомник. Надо сказать, что у меня белая лиса. Надо, чтобы её забрали. Прямо сейчас. Срочно. Пока она не съела меня.

Я быстро натянула лифчик. Руки дрожали, крючки не попадали в петли, я тихо ругалась сквозь зубы, поглядывая на дверь. Лис в гостиной затих. Это настораживало ещё больше. Футболка. Штаны. Всё. Я одета. Я человек. Я контролирую ситуацию.

Схватила телефон, экран цел — уже чудо. Открыла браузер, вбила дрожащими пальцами: «питомник лис Киото». Высветилось несколько номеров. Первый же — «Питомник Киото, дикие животные, консультация».

Нажала вызов.

Гудки. Один. Два. Три.

— Добрый день, питомник Киото, — раздался в трубке бодрый женский голос. — Чем могу помочь?

Я открыла рот, чтобы ответить.

В гостиной что-то грохнуло. Что-то тяжёлое. Кажется, моя

тумбочка. Или стол.

— Алло? — переспросила девушка. — Вы меня слышите? Телефон выпал из рук. Грохот стих. Тишина. Я выглянула в гостиную. Осторожно, одним глазом, из-за дверного косяка.

Никого.

Ни лиса. Ни голоса. Ничего.

Диван пустой. Плед, которым я укрывалась, скомкан и сброшен на пол. Подушка на месте. Табуретка, которую я хватала для обороны, сиротливо стоит посреди комнаты. На столе — тарелка из-под яйца. Всё как обычно. Всё как всегда.

Я вышла из спальни. Медленно. Огляделась. Заглянула на кухню. Пусто. В ванную. Пусто. Входная дверь заперта. Окна закрыты. Никаких следов белого меха. Никаких признаков того, что последние сутки в моей квартире жил огромный белый лис.

Я встала посреди гостиной и закрыла лицо руками.

Ну всё. Приплыли. Я схожу с ума.

Сначала сны, которые не отпускают. Потом странный поезд на станции. Потом лисёнок на тропинке. Потом белый лис на диване, который ест мои яйца, спит на моей кровати, заходит в спальню без стука, обнюхивает мою шею и облизывается на меня. А теперь ещё и голос. Голос, который назвал меня по имени. Голос, который я слышала только во сне.

Всё. Точка. Диагноз ясен.

Я работаю на износ. Я не сплю нормально уже несколько недель. Я пью слишком много кофе и слишком мало ем. Мой мозг перегрелся, как старый ноутбук, и начал выдавать галлюцинации. Завтра же запишусь к врачу. Или к психотерапевту. Или к храмовому священнику — пусть проведёт обряд очищения. А может, ко всем сразу.

Я села на диван. Тот самый, где спал лис. Потрогала подушку. Холодная. Никакой шерсти. Никакого тепла. Никаких следов.

Может, и не было ничего?

Может, я просто заснула на диване и всё это мне приснилось? И лисёнок на тропинке, и яйцо, и грохот, и...

Телефон пискнул с пола. Я наклонилась, подняла его. На экране — пропущенный звонок в питомник. И время — одиннадцать утра. Я что, проспала до одиннадцати? После той ночи на станции?

Я поднесла руку к лицу. Повернула ладонью вверх. На запястье — там, где лис лизнул меня — кожа была чуть влажной, будто отголосок прикосновения ещё не прошёл.

Я схожу с ума. Точно. Окончательно и бесповоротно.

Глава 8. Рэн-любовь

Телефон снова завибрировал. Я посмотрела на экран — Харука. Вот кто мне сейчас нужен. Живой человек. С нормальным голосом. С нормальными проблемами. С кошками и халатиками.

— Мэй! — затараторила она, как только я приняла вызов.
— На встречу выпускников школы идёшь?

Я моргнула.

— Что?

— Встреча выпускников! Ты что, забыла?!

Чёрт. Я совсем забыла.

В голове пронеслась куча мыслей: школа, одноклассники, учителя, старый спортзал, школьный фестиваль, на котором я впервые выиграла конкурс рисунков. И встреча выпускников. Очередная. Кажется, мне присылали приглашение месяц назад. Или два. Я его даже не открыла.

— Мэй! Ты там?

— Да, да, я тут. Просто... замоталась совсем. Со сном, с работой, с... неважно. Когда встреча?

— Через три дня! Ты вообще в курсе, что школе триста лет исполняется? Триста, Мэй! Они такой праздник отмечают — вся деревня будет, выпускники всех лет, наши семьи приедут. Даже те, кто выпустился лет десять назад. Говорят, из Токио специально приезжают. И из Осаки. Будет

большой фестиваль на школьном дворе — как раньше, помнишь? Фейерверки, лапша, сладкая вата...

— Триста лет школе, — повторила я. — Ничего себе.

— Вот именно! Так что ты обязана быть. Я уже платье выбрала. Кстати, о платьях...

Я услышала в её голосе знакомые нотки.

— Что? — спросила я. — Я по голосу слышу, что ты сияешь.

— Мы поцеловались! — выпалила Харука. — Вчера. После ужина. Он проводил меня до двери, а потом... Мэй, это было как в дораме. Он взял моё лицо в ладони, посмотрел так внимательно и сказал: «Харука, спасибо за вечер. И за кошку. И за халатик». А потом поцеловал. И я чуть не умерла.

— Харука! — я засмеялась. — Это же прекрасно! Как его зовут?

— Хиро. Его зовут Хиро. Представляешь? Сосед Хиро. Звучит как название манги.

— Звучит как название очень романтической манги. Ты счастлива?

— Очень. Мэй, он такой... он такой внимательный. И смешной. И у него руки тёплые. И кошка его обожает, а она у меня вообще чужих не любит. Это судьба, я тебе говорю.

— Кошка - главный индикатор, — согласилась я. — Если кошка одобрила - всё серьёзно.

— Вот и я так думаю! Кстати, о серьёзном. Встреча вы-

пускников. Ты идёшь. Без отговорок.

— Харука, у меня пилот через неделю...

— Пилот подождёт. Школе триста лет, Мэй. Такое раз в жизни бывает. Ты что, хочешь пропустить? Там все наши будут. И семпай придут. Помнишь Ямамото-семпая из художественного кружка? Который тебе ещё краски подарил, когда ты в средней школе была?

Я помнила. Ямамото-семпай — высокий, с тёплой улыбкой, всегда ходил с этюдником. Он окончил школу на семь лет раньше нас и уехал поступать в художественный университет в Токио. Я тогда ещё думала: «Вот бы и мне так».

— И Накамура-семпай будет, — продолжала Харука. — Ну тот, который дзюдо занимался. Говорят, он теперь тренер. И Киёми-семпай, которая была президентом школьного совета. Она теперь в банке работает, представляешь?

— С ума сойти, — пробормотала я. — Столько лет прошло.

— Вот именно. Так что ты идёшь. И надень что-нибудь красивое. Не халат. И не футболку с лисьим принтом.

— У меня нет футболки с лисьим принтом.

— Ну ну, не верю, Мей. Всё. Через три дня. Встретимся у школы. И попробуй только забыть.

— Не забуду. Обещаю.

Я осталась стоять с телефоном в руке.

Но мысли о встрече выпускников немного отвлекли. Школе триста лет. Выпускники всех лет. Семпай, которых я

не видела годами. Фестиваль, фейерверки, школьный двор, украшенный фонариками.

Может, это именно то, что мне нужно: выбраться из дома, увидеть людей, вспомнить, что мир не состоит из снов и белых лисов. Я взяла блокнот и записала на полях: «Встреча выпускников. Через три дня. Платье.» и усмехнулась. Харука права. Мне нужно отвлечься. А пилот... пилот я успею. У меня ещё целая неделя.

Я перебрала гардероб. Джинсы, толстовки, футболки, пара старых юбок, которые я не носила со времён школы, что-то бесформенное, что мама подарила на прошлый день рождения... Ага. Вот оно.

Платье.

Я вытащила его из глубины шкафа и встряхнула. Тёмно-синее, с шифоновыми рукавами-воланами мягкими, струящимися, как вода. Строгое, чуть выше колена, с аккуратным вырезом. Я покупала его год назад для какой-то издательской вечеринки, но так и не надела, тогда заболела и осталась дома.

Красивое. Очень красивое.

Я приложила платье к себе и покрутилась у зеркала. Длинные чёрные волосы растрепались после всех этих приключений с лисом, но я уже представляла, как уложу их мягкими волнами — пусть спадают на плечи, пусть блестят в свете школьных фонариков.

Я уже не та угловатая девочка, которая рисовала в блок-

ноте на задней парте и прятала глаза, когда её хвалили на школьных конкурсах. Грудь пышная. Талия узкая. Попа круглая. Всё при мне. Всё на месте. Я повернулась боком, потом ещё раз — платье красиво легло по фигуре, подчеркнуло всё, что нужно, и скрыло всё, что не нужно.

Да, ростом не вышла — всего сто шестьдесят сантиметров, но это даже мило. Харука вечно дразнила меня, что я похожа на фарфоровую куклу, а я обижалась. А теперь... теперь я думаю, что это не так уж и плохо. Маленькая, но фигуристая. Компактная. Как говорил дедушка: «Не ростом славятся, а тем, что внутри».

Я улыбнулась своему отражению. Интересно, что скажут семпай, те, которые помнили меня тощим подростком с вечно испачканными тушью пальцами. Ямамото-семпай, который дарил мне краски. Накамура-семпай, который таскал мольберты на школьный фестиваль. Киёми-семпай, которая всегда говорила, что у меня талант.

Интересно, они меня вообще узнают?

Я ещё раз покрутилась перед зеркалом, поправила складку на юбке и осталась довольна. В конце концов, встречу выпускников никто не отменял и если уж выходить в люди — то красиво.

А лис... лис подождёт. Если он вообще существует.

Я села за рисование пилота. Чистый лист. Перо в руке. За окном вечерело, лес шумел, где-то далеко стучали колёса поезда.

С чего начать?

Я покрутила перо в пальцах. Дорога к храму — это красиво. Красные тории, уходящие вверх. Песчаная тропинка. Статуи кицунэ. Таинственный мужчина спиной. Атмосфера, загадка, сон. Это то, что я видела десятки раз. Это то, что я знаю наизусть.

Но...

Я вспомнила вчерашнего лиса. Как он сидел на диване. Как прошёл мимо меня на кухню. Как зашёл в спальню без стука. Как смотрел — нагло, пристально, жадно. Как облизывался, глядя на мою грудь. Как обнюхивал шею и лизал руку.

Я закусила губу и улыбнулась.

Нет. Дорога к храму — это слишком просто. Слишком предсказуемо. А вот лис в квартире — это что-то новое. Что-то живое. Что-то, от чего у читательниц точно захватит дух.

Я обмакнула перо в тушь и начала рисовать.

Первая сцена. Девушка-мангака находит на тропинке белого лисёнка. Приносит домой. Кормит. Укладывает спать. А наутро обнаруживает в своей квартире огромного белого лиса. И лис этот ведёт себя... странно. Ходит за ней по пятам. Смотрит. Изучает. Заходит в спальню, когда она переодевается. И смотрит так, будто хочет облизать. Всю. С головы до ног.

Я рисовала быстро, размашисто, не останавливаясь. Кадр за кадром. Вот она стоит перед ним, прикрывая грудь ру-

ками. Вот он делает шаг вперёд. Вот его янтарные глаза — крупным планом. Вот он облизывается. Медленно. Со вкусом. А в следующем кадре — он обнюхивает её шею. И лижет руку. А она сидит ни жива ни мертва, колотится сердце у героини и у читательниц вместе с ней.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на готовую раскадровку. Четыре страницы. Живые. Горячие. С юмором и напряжением. То, что нужно. Не просто фэнтези про лисов и храмы — а история про столкновение двух миров. Обычной девушки и необычного зверя, который, кажется, совсем не зверь.

— Такахаси-сан, — прошептала я, — кажется, вы будете довольны.

Я потянулась, размяла затёкшие пальцы. Пилот пошёл. Дело сдвинулось с мёртвой точки и что самое приятное, я точно знала, откуда брать вдохновение для следующих сцен.

Если лис снова придёт — я не буду визжать, я буду рисовать.

Как же назвать лиса?

Это важно. Имя — это не просто слово. Имя задаёт тон всей истории. Особенно если это романтика. А это будет романтика. Я точно знала — после сцены в спальне, после этого взгляда, после этого облизывания, история не может быть просто фэнтези. Она должна быть горячей. Должна быть про чувства. Про притяжение. Про то, чего нельзя объяснить словами, но можно нарисовать.

Лис. Белый лис. Таинственный. Наглый. Красивый.

Я перебирала имена в голове. Акира — слишком просто. Кайто — уже было в чьей-то манге. Хаято — не то. Широ — «белый», слишком буквально. Юки — «снег», красиво, но не цепляет.

А потом я подумала о том, что это романтика. О том, что он пришёл ко мне, то есть к героине, и остался. О том, как он смотрел на неё там, в спальне. Как облизывался. Как обнюхивал шею. О том, что всё это значит.

Любовь.

— Рэн, — прошептала я вслух.

И замерла. Потому что имя легло на язык идеально. Мягко. Тепло. С намёком. Рэн — любовь. Не просто лис. Любовь, которая пришла сама. Любовь, которая нашла тебя на тропинке и осталась.

Я записала в блокноте: «Лис — Рэн. Любовь». Обвела в рамочку. Посмотрела на имя и улыбнулась, а потом подумала — интересно, если у лиса есть имя, значит ли это, что он станет более... ручным? Или наоборот? Потому что любовь, как известно, бывает очень, очень дикой.

От размышлений меня отвлек звук в гостиной. Я вскочила со стула. Опять. Сердце ёкнуло, но я уже не визжала — надоело. Просто встала и пошла посмотреть.

Лис сидел на диване. На полу валялась книга — та, что лежала на подлокотнике. Судя по всему, он сбросил её.

— Ты, — сказала я, скрестив руки на груди.

Лис посмотрел на меня. Спокойно. Даже с некоторым вызовом.

— У тебя теперь есть имя. Будешь знать — зовут тебя Рэн. Означает «любовь». Так что имей в виду. И перестань ронять мои вещи. И подглядывать. И облизываться. Ты — любовь, а не какой-нибудь там... извращенец.

Лис Рэн склонил голову набок, потом зевнул и, положив морду на лапы, закрыл глаза. Будем считать этот знак одобрением.

Я подняла книгу с пола, поставила на место и вернулась к столу. Имя выбрано. Пилот начат. Рэн — любовь. Осталось только написать так, чтобы Такахаси-сан не смог отказать.

Глава 9. Его оценка

— Итак, лис, — я села на стул напротив дивана и посмотрела на него. — Раз ты повадился ко мне, буду тебе рассказывать. Будешь моим первым слушателем.

Он сел. Ровно. Как собака по команде «сидеть». Уши встали торчком. Янтарные глаза уставились на меня. Я покосилась на него. Может, и правда ручной. Может, и правда сбежал из питомника. Слишком уж понятливый для дикого зверя.

— Значит так. Тебя зовут Рэн.

Он даже ухом не повёл. Видимо, имя уже утвердили и обсуждать его он не собирался.

— Героиню назову Мэй.

Он фыркнул. Прямо по-настоящему — сморщил нос, мотнул головой.

— Это одобрение? — я подняла бровь. — А пофиг. Это моя манга и не важно, что там ты думаешь. Ну, то есть моя фантазия, как хочу, так и пишу.

Он перестал фыркать. Просто смотрел. Ждал.

— Короче, — я прокашлялась и заглянула в блокнот, — Мэй и Рэн встречаются. Сначала не ладят: она его боится, он её разглядывает, всё как у нас. Потом влюбляются. Постепенно. Красиво. С напряжением. А потом...

Я сделала драматическую паузу.

— ...у них постельная сцена.

Я покосилась на лиса. Он сощурил глаза и облизнулся. Медленно. Протяжно. С тем самым выражением в янтарных глазах, от которого мне вчера хотелось лезть на шкаф. Смущает же, пусть и лис.

— Так, всё! — я захлопнула блокнот. — Ничего тебе больше не скажу. Ты странно смотришь. Мне жутко!

Он фыркнул. Снова. На этот раз, готова поклясться, с явной издёвкой. Ну точно с ума схожу...

Я начала рисовать. Он подошёл и сел рядом. Близко. Так близко, что я чувствовала тепло, исходящее от его белой шерсти. Он положил морду на край стола и стал смотреть. Внимательно. Не отрываясь. Янтарные глаза следили за каждым движением моего пера.

— Нравится? — спросила я, не отвлекаясь от листа. — Смотри, это ты. То есть Рэн. В каригину. С лепестками пламени. Красивый, между прочим. Я таким кицуне во сне видела.

Он не ответил, только перевёл взгляд на рисунок. Я рисовала храм. Красные тории. Мужчину спиной — длинные белые волосы, алая лента. Ту самую сцену, которую видела каждую ночь.

Потом пошли другие зарисовки. Быстрые. Лёгкие. Я рисовала их встречи — как он ждёт её у торий, как берёт за руку, как ведёт вглубь храма. Набросала поцелуй — её ладони на его груди, его пальцы в её волосах. Потом быт, как

она сидит на веранде старого храма, а он кладёт голову ей на колени.

А потом я начала рисовать сцену, где он раздевает её.

Медленно. Осторожно. Каригину сползает с его плеч. Её кимоно распахивается. Его руки на её талии. Её голова запрокинута назад. И тени, много теней, чтобы передать жар, желание, запретность.

Лис придвинулся вплотную. Я замерла, не донеся перо до бумаги. Он потянулся мордой к моей шее. Горячее дыхание обожгло кожу, а потом он лизнул. Медленно. От ключицы до уха. Шершавый язык прошёлся по шее — горячий, влажный, тягучий. Я выронила перо. Тушь капнула на стол. Сердце ухнуло куда-то в живот.

Он отстранился. Посмотрел на меня. Потом на рисунок. Потом снова на меня. И облизнулся.

— Ты... — прошептала я, прижимая ладонь к шее. — Ты что творишь?

Лис — Рэн — посмотрел на меня своими янтарными глазами и я могла бы поклясться, что если бы лисы умели улыбаться, он бы сейчас улыбнулся. Нагло. Довольно. По-лисьи.

— М-да, — я отодвинулась на стуле и упёрла руки в бока. — Ты слишком по-хозяйски ведёшь себя. Наглая лисья морда.

И ткнула его в нос. Прямо в мокрый, чёрный кончик.

Он замер на секунду. Янтарные глаза скрестились на моём пальце, а потом он фыркнул. Тёплый воздух обдал мою

ладонь и затем он лизнул. Прямо по пальцу. Шершавым, горячим языком.

Я одёрнула руку.

— Ты!.. Ты вообще нормальный?! Я тебя ругаю, а ты лижешься!

Он зевнул. Широко, со вкусом.

Я посмотрела на свой палец, потом на него, потом на рисунок с раздеванием, который так и остался лежать на столе и поняла — этот лис абсолютно, стопроцентно, бесповоротно наглый. И, кажется, мой палец ему понравился больше, чем мои нотации.

— Итак, — я пододвинула к себе чистый лист и обмакнула перо в тушь, — мы остановились на первой постельной сцене.

Лис поднял голову. Уши встали торчком.

Я принялась прорисовывать. Медленно. Тщательно. Его мышцы — широкие плечи, сильные руки, линия спины, уходящая вниз. Героиню — её изгибы, её распущенные волосы, её пальцы, вцепившиеся в его плечи. Его руки на её талии. Его губы на её шее. Кадр за кадром — напряжение, жар, дрожь.

Я рисовала, и с каждой линией в комнате становилось всё жарче. Фух. Я отодвинула ворот футболки, подула на себя. Лис не сводил глаз с листа. Потом перевёл взгляд на меня. Потом снова на рисунок.

— Что? — я покосилась на него. — Реалистично? Так и

задумано.

Он облизнулся.

Я молча отодвинулась от стола ровно на пару сантиметров. На всякий случай.

Далее пошли сцены без одежды. Я прорисовывала каждую линию — изгиб её бедра, его ладонь на её животе, сплетённые пальцы, смятые простыни. Тени, полутени, свет луны из окна старого храма. М-да. Манга уверенно переходит в рейтинг двадцать один плюс. Ну-у-у... редактор одобрит. Я более чем уверена. Такахаси-сан сам говорил — нужен огонь. Вот он. Пожалуйста. Полыхает.

Я продолжила прорисовывать дальше. Следующий кадр — он держит её за подбородок. Ещё один — она выгибается назад, его губы на её ключице. Я так увлеклась, что забыла обо всём.

Лис замер.

Я почувствовала это краем сознания — он перестал дышать. Просто замер и уставился на рисунок. Янтарные глаза горели.

И вдруг он мурлыкнул. Низкий, грудной звук прошелся по комнате. Совсем не по-кошачьи — глубже, богаче, будто внутри него завёлся маленький мотор, а потом он заурчал и потёрся головой о моё плечо.

Я замерла с пером в руке.

— Ты... ты чего?

Он снова потёрся. Белая шерсть скользнула по моей руке

— мягкая, тёплая. Урчание стало громче.

Я сидела неподвижно, глядя на наполовину законченную откровенную сцену, на лиса, который тёрся о моё плечо как огромный кот и понимала — этот зверь только что оценил мою работу. Более того, он ее одобрил.

Глава 10. Щекотка

— О-о-о-о, — протянула я, глядя на лиса. — Ты одобряешь? Не быстро, как думаешь? Может, этот момент перенести на скажем 20 главу и добавить свидание, прогулку под луной по полям, разговоры о жизни? А то сразу в постель — это как-то...

Он фыркнул. Прямо в лицо. Возмущённо. Потом ткнул носом в рисунок — туда, где были самые откровенные кадры. Ткнул настойчиво, требовательно, будто говорил: «Вот это. Оставь. Не порть. Сразу к этому пусть переходят. Зачем тянуть», а потом положил лапы мне на грудь.

Я ахнула, потеряла равновесие и повалилась на пол вместе со стулом. Блокнот отлетел в сторону. Перо покатилося под стол. Я лежала на спине, на старом ковре, а надо мной стоял белый лис. Огромный. Тяжёлый. Его лапы упирались в пол по обе стороны от моих плеч. Янтарные глаза сверлили меня сверху вниз пристально, жадно, не мигая.

Я не могла пошевелиться. Не могла вздохнуть. Только смотрела на него, а он смотрел на меня.

Он наклонил морду ниже. Я зажмурилась, ожидая чего угодно. Рыка. Укуса. Чего-то страшного и дикого.

А он лизнул меня в щёку.

Шершавый язык прошёлся от скулы до подбородка горячий, влажный, неожиданно нежный. И было щекотно. Ужас-

но щекотно. Я дёрнулась, фыркнула, попыталась отвернуться. А он лизнул ещё раз. И ещё.

И я засмеялась. Прямо под ним — распластанная на полу, с растрёпанными волосами, в сбившейся футболке я хотела, как девчонка, пока огромный белый лис вылизывал мою щёку, будто я была не человеком, а котёнком, которого нужно срочно умыть.

— Хватит! Хватит! Рэн! Щекотно! Прекрати!

Он остановился. Посмотрел на меня. Янтарные глаза сияли. Я тяжело дышала, всё ещё улыбаясь, и вдруг поняла, я больше не боюсь. Вообще. Совсем.

Вот так, лёжа на полу под огромным белым лисом, с облизнутой щекой и счастливой улыбкой, я осознала: кажется, я к нему привыкла. Кажется, он стал... своим.

— Ладно, ладно, — я встала, отряхнула футболку, поправила волосы. — Я поняла. Ты домашний лис. Как кот, просто большой, белый и наглый. Ведь так?

Он отошёл, сел, хвост аккуратно обернул вокруг лап и посмотрел на меня.

Его глаза были сощурены. Янтарные, тёплые, с золотыми искорками. Он не щурился как зверь, который готовится к атаке. Он щурился иначе — мягко, хитро, довольно, будто улыбался самой настоящей лисьей улыбкой.

Я упёрла руки в бока.

— Вот значит как. Домашний. Ручной. Только не говори, что ты ещё и мышей ловить умеешь.

Он фыркнул.

— Ну конечно. Куда тебе мыши. У меня тут лис-аристократ поселился. Ест яйца, спит на кровати, критикует мангу. Обычное дело.

Он продолжал смотреть на меня своими сощуренными глазами. Улыбался. Точно улыбался.

Я покачала головой, подняла стул, подобрала с пола блокнот и перо. На душе было странно — легко, тепло и немного безумно, потому что я только что лежала на полу под огромным белым лисом, а теперь он сидит на моём ковре и улыбается мне, как старый друг.

— Я аж есть захотела, — сказала я, потягиваясь. — Ты будешь есть?

Он фыркнул типа: «Глупый вопрос».

— Значит, пойду в магазин. Куплю курицы тебе. Будешь курицу? Ты же мясоед. Настоящий хищник. Приготовлю тебе.

Он развалился на диване. По-хозяйски. Лапы вытянул, хвост свесил, голову положил на подушку. Всем своим видом говорил: «Иди. Иди. Я пока посторожу диван. И подушку. И вообще всё, что здесь есть».

Я хмыкнула, натянула кроссовки, взяла кошелек.

— Только без фокусов. Ничего не ронять, не грызть, не разглядывать моё нижнее бельё. Ты меня понял?

Он зевнул.

— Вот и договорились.

Я вышла за дверь, но уже на крыльце улыбнулась. Домашний лис. Курицу ему подавай. И диван. И подушку. И мангу рейтинга двадцать один плюс. Может, мне всё-таки это снится? Но если это сон — пусть он пока не заканчивается.

Глава 11. Рэн Камисиро

Я быстро сбежала вниз по улице и зашла в магазинчик «У Судзуки». Колокольчик над дверью звякнул привычно, и я с ходу направилась к холодильнику с мясом. Куриное филе. Две упаковки. На всякий случай.

— Мэй-тян! — Судзуки-сан приветливо помахала мне из-за кассы. — Ты сегодня рано. Опять за лапшой?

— Нет, Судзуки-сан. За курицей.

— За курицей? — она поправила очки. — Ты же вроде не ешь мясо почти.

— Это не мне, — я выложила упаковки на прилавок. — Это лису.

— Кому?

— Лису. Белому. Он у меня теперь живёт.

Судзуки-сан замерла с упаковкой курицы в руках. Посмотрела на меня. Потом на курицу. Потом снова на меня.

— Белый лис? У тебя в доме?

— Ага. Большой. Пушистый. С янтарными глазами. Наглый — жуть.

— Ого, — она расплылась в улыбке. — Покажи!

— Что?

— Лиса! Покажи лиса! Я за сорок лет в этом магазине кого только не видела, а белого лиса — никогда. Пошли!

Я даже не успела возразить. Судзуки-сан перевернула таб-

личку на двери «Закрыто», схватила меня под руку и потащила вверх по улице.

— Он у тебя ручной? Не кусается? А что ест? Только курицу? А может, ему ещё чего надо? У меня в подсобке очень говяжья есть — для собак брала, но лису тоже подойдёт, наверное...

— Судзуки-сан, вы не понимаете, он странный. Он смотрит как человек. И облизывается. И мангу мою оценивает.

— Тем более хочу посмотреть! Мангу он оценивает, скажешь тоже!

Мы поднялись к моему дому. Я открыла дверь, вошла первой.

— Рэн? Я вернулась. Я тут не одна, ты это... води себя прилично.

Тишина.

Я прошла в гостиную. Диван пуст. Подушка на месте. Плед свёрнут. Кухня пуста. Ванная пуста. Спальня пуста. Никакого лиса. Нигде.

Судзуки-сан заглянула через моё плечо.

— Э-э-э... — протянула я. — Наверное, сбежал...

— Мэй-тян, — Судзуки-сан посмотрела на меня поверх очков. — А ты, может, работаешь много, мм?

— Нет! Он был! Домашний! Сидел вот тут, на диване!

— Может, кот?

— Нет, лис!

— Может, приснился?

— Да нет же! — я всплеснула руками. — Большой! Пушистый! С янтарными глазами! И ещё щурится так, будто улыбается! И облизывает меня!

Судзуки-сан вздохнула. Тяжело. По-матерински. Положила руку мне на плечо.

— Мэй-тян. Тебе парень нужен. Совсем от одиночества с ума сходишь. Я серьёзно. Сидишь тут одна, в лесу, только работа и работа. Вот и мерещится всякое.

— Но...

— Никаких «но». Познакомься с кем-нибудь. Симпатичным. Человеком. А не лисом.

Я открыла рот. Закрыла. Потому что возразить было нечего. Лис исчез. Следов нет. Свидетелей нет. Только я, Судзуки-сан и две упаковки куриного филе в моих руках.

— Вот курицу себе приготовишь, — она потрепала меня по плечу. — И отдохни. Без лисов. Без манги. Хотя бы вечер.

— Да, Судзуки-сан...

Она ушла, покачав головой. А я осталась стоять в пустой квартире с курицей в руках.

— Рэн? — тихо позвала я.

Тишина.

Ни белой шерсти. Ни янтарных глаз. Ничего.

Я села на диван и уставилась в стену. Может, права Судзуки-сан. Может, я и правда схожу с ума.

— Ну, засранец! Ты меня подставил!

Я швырнула упаковки с курицей на стол и встала посреди

комнаты, уперев руки в бока.

— Я тебя кормлю! Я тебя рисую! Я тебе имя дала! А ты сбежал, когда пришли свидетели?! Теперь Судзуки-сан будет думать, что я психопатка! Одинокая мангака, которая придумала себе белого лиса! Прекрасно! Просто прекрасно!

Тишина.

— И где ты вообще?! — я заглянула за диван. Пусто. — В шкафу? — открыла шкаф. Нет. — Под кроватью?

Я встала на четвереньки и заглянула под кровать.

Там, в темноте, свернувшись калачиком, лежал белый лис. Хвост обернут вокруг носа. Глаза закрыты. Дышит ровно. Спит.

— Ты серьёзно?! — я села на пятки. — Ты спишь?! Ты меня опозорил перед соседкой, а сам спишь под кроватью?!

Лис приоткрыл один глаз. Посмотрел на меня. Зевнул. И закрыл обратно.

— Невероятно, — пробормотала я. — У меня живёт самый наглый лис в истории человечества. Я тебе курицу купила! — я встала с колен и упёрла руки в бока. — Две упаковки! Специально для тебя! А ты специально спрятался, когда Судзуки-сан пришла! Как это понимать, а?!

Я заглянула снова под кровать. Он демонстративно отвернулся. Прямо под кроватью — развернул морду к стене, хвостом ко мне. Белый пушистый зад и ни капли совести.

— М-да-а-а, — протянула я. — Ну и характер. Теперь меня весь квартал будет считать сумасшедшей. Поздравляю.

Кончик хвоста чуть дёрнулся. Кажется, ему было всё равно. Или даже нравилось.

Я подошла к столу, чтобы убрать наброски, и замерла.

На верхнем листе, прямо под моим рисунком — тем самым, где Рэн стоит у торий, — кто-то написал. Чёрной тушью. Аккуратно. Чётко. Не моим почерком.

Рэн Камисиро

Я отшатнулась. Сердце заколотилось. Кто-то залез в квартиру. Кто-то чужой был здесь, пока я ходила в магазин. Трогал мои вещи. Писал в моём блокноте.

Я огляделась. Окна — закрыты. Дверь — я сама запирала, точно помню. Замок цел. Всё на месте. Ноутбук не тронут. Кошелёк в сумке. Ничего не украли.

— Какого чёрта... — прошептала я. Кто залезает в чужую квартиру только для того, чтобы оставить надпись в блокноте? Псих какой-то? Или... маньяк? Фанат?

Я на цыпочках подошла к двери спальни. Лис по-прежнему лежал под кроватью. Свернулся калачиком. Спит. Даже ухом не повёл. Сторож из него никакой.

— Рэн, — прошептала я, присев на корточки. — Тут кто-то был. В дом залез. Написал в моём блокноте, а ты спишь. Отличный охранник. Просто великолепный.

Он зевнул.

Я выпрямилась и ещё раз оглядела квартиру. Вроде тихо. Вроде пусто. Но запереть дверь на замок и на щеколду я всё равно пошла немедленно. И окна проверила. Все до единого.

Я опустила на стул и уставилась на блокнот. «Рэн Камисиро» — выведено аккуратно, твёрдой рукой. Не дрожащей. Не торопливой. Будто тот, кто писал, никуда не спешил и совершенно не боялся, что его застукают.

— Камисиро... — прошептала я. — Посланник бога.

Красиво. Звучит как имя из старой легенды. Из тех, что дедушка рассказывал в детстве — о лисах-хранителях, о духах Инари, о вестниках, что ходят между мирами.

Мурашки пробежали по спине.

Может, и правда какой-то сталкер? Или фанат? Я знала, что у мангак бывают одержимые поклонники. Читала где-то в новостях: пишут письма, караулят у дома, присылают подарки, но чтобы вот так — залезть в квартиру среди бела дня, пока хозяйка в магазине и оставить надпись в блокноте?

Я поёжилась.

— Рэн, — позвала я тихо. — Ты хоть кого-нибудь видел? Или ты всё проспал?

Из спальни донёсся звук — не то вздох, не то фырканье. Я заглянула в комнату. Лис сидел на кровати. На моей кровати. Смотрел на меня. Совершенно спокойно, будто никаких сталкеров не существовало. Будто всё в порядке.

— Тебе-то хорошо, — пробормотала я. — Ты большой и зубастый, а я маленькая и беззащитная. И у меня, кажется, завёлся псих-поклонник.

Лис склонил голову набок. В янтарных глазах мелькнуло что-то похожее на... насмешку? Нет. Показалось. Просто лис.

Просто животное. Хватит пытаться разгадывать эмоции дикого зверя.

Я закрыла блокнот и убрала его в ящик стола. Вечер перестал быть томным. Завтра позвоню Харуке. И Такахаси-сану. И, наверное, в полицию. На всякий случай.

Глава 12. Посланник

В дверь постучали. Я даже не успела дойти до прихожей, как прозвучал звук замка и она распахнулась.

— Подруга! — Харука влетела в квартиру как ураган, с пакетами в обеих руках. — Не могла ждать! Я с едой, соджу и новостями!

— Харука, ты вообще когда-нибудь ждёшь, пока тебе откroют?

— Ни-ко-гда, — она уже скидывала туфли в прихожей. — Не зря же ты мне ключ дала. Кстати, где твой лис? Судзуки-сан сказала, что ты его выдумала.

— Ничего я не выдумала, — буркнула я, забирая у неё пакеты. — Он просто... прячется.

— Ага, конечно. Прячется. Как моя кошка, когда я планирую ее искупать, — Харука прошла на кухню и начала выгружать еду. Онигири, жареный тофу, какие-то булочки, чипсы, коробка моти и две бутылки соджу.

— У нас праздник? — я подняла бровь.

— У нас — да! Потому что у меня такой вечер был, Мэй! Такой вечер! — она плюхнулась на стул и схватила меня за руку. — Хиро меня в ресторан водил. В настоящий ресторан! Со свечами! И с официантами в белых перчатках! Я чуть не умерла, когда меню увидела — там цены как моя зарплата за месяц.

— И что ты заказала?

— Самое дешёвое! Но он сказал — нет, Харука, бери что хочешь и я взяла стейк. Мэй, это был лучший стейк в моей жизни. А потом он меня до дома проводил. И поцеловал. Опять. У двери. И сказал, что хочет познакомиться с моими друзьями.

— Это серьёзно, — я улыбнулась.

— Это очень серьёзно! — она сияла. — Он сказал: «Харука, ты самая удивительная девушка, которую я встречал и всё благодаря твоему халатику и твоей сумасшедшей кошке». Представляешь?

— Представляю.

Мы разлили соджу по стаканам. Харука закинула ноги на диван и вдруг стала серьёзной.

— Так. Еда есть. Соджу есть. Теперь новости. Важные.

— Давай.

— Я в чате выпускников прочитала. Ты не поверишь. На день школы приедет какой-то инвестор. Крупный. Говорят, он из центральной части Киото.

— Инвестор? — я нахмурилась. — Зачем школе инвестор?

— Ой, Мэй, ты совсем отстала от жизни, — Харука закатила глаза и потянулась за онигири. — Ты что, не помнишь? Ещё когда мы учились, слухи ходили. Нашу школу всегда поддерживали инвесторы. Частные. Серьёзные. Из Токио, из Осаки. Потому что школа-то с уклоном.

— Ну да, уклон. Рисование, музыка, театральный кружок.

— Вот именно! — она ткнула в меня палочкой. — А ты думаешь, откуда у нас были новые компьютеры в компьютерном классе? Или оборудование для художественных мастерских? Или эти мольберты дорожные, которые ты обожала?

— Я как-то не задумывалась...

— А зря. Всё за счёт инвесторов. Они модернизацию проводят, оборудование закупают, фестивали финансируют. Помнишь школьный фестиваль на третьем году? С приглашёнными художниками из Токио? С выставкой? С призами за лучший проект? Это всё они оплатили. Частные инвесторы, которые вкладываются в талантливую молодёжь.

Я задумалась. Действительно. В нашей школе всегда было как-то... богато. Не как в обычных государственных школах. Хорошие материалы, новые технологии, приглашённые лекторы. Я просто привыкла и не спрашивала, откуда это всё берётся.

— И теперь, — продолжала Харука, — говорят, приедет новый инвестор. Прямо на день школы. Триста лет — это же событие. Он хочет посмотреть на выпускников, на их работы. Может, кого-то под крыло возьмёт. Грант даст. Или студию откроет. Или контракт предложит.

— И все наши семпай едут из-за этого?

— И семпай, и не только. Я слышала, даже из Киотского университета искусств кто-то приедет. Конкуренция будет — будь здоров. Так что ты со своей новой мангой как раз

вовремя. Покажешь наброски, вдруг ему понравится?

— Показать наброски инвестору? Харука, они даже Такахаши-саном ещё не одобрены.

— Такахаши-сан подождёт. А инвестор — нет. Шанс выпадает раз в жизни, Мэй. Не упusti.

Я отпила соджу. Наброски у меня есть. Пилот почти готов. Если этот загадочный инвестор действительно ищет таланты... почему бы и нет? В конце концов, что я теряю?

— Ладно, — сказала я. — Покажу. Если он вообще захочет смотреть работы бывших учеников.

— Захочет, — Харука уверенно кивнула. — Я слышала, он специально просил принести портфолио. Все, кто хочет — могут показать. Так что готовься.

Я сидела на диване, подобрав под себя ноги, и смотрела на Харуку. Она допила вторую порцию соджу, закусилa моти и теперь требовательно тянула руки к моему блокноту.

— Ну покажи! Ты же уже что-то нарисовала для пилота? Я знаю, что нарисовала. У тебя глаза горят. А когда у тебя горят глаза, ты рисуешь сутками. Показывай давай.

— Харука, там ещё сырое...

— Мэй. Мы дружим десять лет. Я видела твои рисунки ещё в школе, когда ты стеснялась даже учителю показать. Давай сюда.

Я вздохнула и протянула ей блокнот. Харука открыла его, и её брови поползли вверх.

— Ого. Это тории? Красиво... А это кто? — она перевер-

нула страницу. — Мэй! Это он?! Тот самый лис-мужчина?

— Ну... да. Рэн.

— Рэн... — она провела пальцем по рисунку. — Красивое имя. Любовь, да?

— Ты знаешь значение?

— Конечно. Я же не совсем безграмотная, — она перевернула ещё страницу и вдруг замерла. — О-о-о-о.

Я залилась краской, потому что знала, что она увидела. Первая постельная сцена. Та самая, которую я прорисовывала сегодня. Где он держит её за подбородок. Где её голова запрокинута. Где его губы на её ключице. И ниже. И ещё ниже.

— Мэй! — Харука уставилась на меня круглыми глазами. — Это что?!

— Это... это пилот. Для новой манги. Такахаси-сан просил огня...

— Огня?! — она расхохоталась. — Да тут не огонь! Тут пожар! Лесной пожар! Вызывай спасателей! Ого! Ты посмотри на эти мышцы! А эти руки! А как он её держит! Мэй, ты вообще кого рисовала? У тебя был натурщик?

— Нет у меня никакого натурщика! — я попыталась схватить блокнот, но Харука не отдала.

— Врёшь. Так в жизни не рисуют с воображения. Слишком детально. Слишком... реалистично. Вот эта линия плеча — откуда ты её взяла? И вот эти пальцы на её талии — кто так держал тебя, а?

— Никто меня так не держал!

— Жаль, — она подмигнула. — Потому что я бы не отказалась, чтобы меня так держали. Мэй, он шикарный. Серьёзно. Посмотри на его глаза. У него даже во взгляде что-то такое... животное. Дикое. Но нежное. Как ты это нарисовала?

— Сама не знаю, — честно призналась я. — Просто села и нарисовала. Будто видела его где-то.

— Во сне?

Я промолчала. Харука перевернула ещё одну страницу, и её брови снова поползли вверх.

— Ого! А это уже совсем откровенно! Мэй, у тебя тут рейтинг двадцать один плюс, честное слово. Ты уверена, что Такахаси-сан такое пропустит?

— Уверена. Он сам просил смелее.

— Ну, смелее некуда, — Харука обмахнулась блокнотом как веером. — Вот бы такой мужчина в жизни был, а не только на бумаге.

— Харука, у тебя Хиро есть.

— Хиро — это прекрасно. Хиро — это солнышко. Но Хиро — парень с лестничной клетки. А это, — она постучала пальцем по рисунку, — это божество. Лисье божество. Ты посмотри, какой красивый.

— Я старалась.

— Старалась? Да ты вложила в него всю душу! И, кажется, не только душу...

— Харука!

Мы расхохотались, как в школе, когда обсуждали одно-

классников за спиной, хихикали над неприличными картинками в журналах и мечтали о прекрасных принцах. Харука тыкала пальцем в рисунки, я отбивалась подушкой, соджу расплёскивался по столу, и было так хорошо, так легко, так...

Фыр.

Мы замерли.

Звук раздался за нашими спинами. Совсем близко. Как будто кто-то стоял прямо за диваном и тихо, сдержанно выдохнул.

Мы обернулись одновременно.

За диваном стоял Рэн.

Большой белый лис. Огромный. Пушистый. С янтарными глазами. Он склонил голову набок и смотрел на нас. Вернее — на блокнот в руках Харуки. А потом перевёл взгляд на неё. Медленно. Оценивающе.

Харука взвизгнула. Подпрыгнула на месте. Схватила за моё плечо.

— ОГО! — закричала она. — МЭЙ! Это он?! Это твой лис?! ОГО! КАКОЙ!..

Она задохнулась словами. Просто стояла и смотрела на белого лиса, который смотрел на неё. А потом Рэн фыркнул снова — на этот раз, готова поклясться, с явным самодовольством — и перевёл взгляд на меня, будто спрашивал: «Ну что, теперь ты не психопатка?»

Харука всё ещё держалась за моё плечо и не дышала. А Рэн, ни на кого не обращая внимания, обошёл диван и подо-

шёл ко мне, потом, не спрашивая разрешения, опустил свою огромную голову мне на колени.

Тяжело. Тепло. Белая шерсть защекотала голые колени. Я замерла с подушкой в одной руке и стаканом соджу в другой.

— Мэй, — прошептала Харука. — Он... он что, твой?!

— Я же говорила.

— Говорила! Но я думала — ну, фантазия, бывает! А он... он настоящий! Огромный! Живой!

Рэн прикрыл глаза и вздохнул. Тяжело. Умиротворённо, будто он весь день ждал момента, когда можно будет положить голову именно сюда, на мои колени, и теперь наконец получил желаемое.

Я осторожно опустила ладонь на его голову между ушами. Шерсть была мягкая, густая, тёплая. Он не дёрнулся. Не зарычал. Только вздохнул ещё глубже.

— Офигеть, — выдохнула Харука. — Можно я его поглажу?

— Спроси у него.

Она осторожно протянула руку. Рэн открыл один глаз, посмотрел на неё, потом на меня. И снова закрыл. Разрешение дано. Харука кончиками пальцев коснулась белой шерсти и замерла.

— Мэй... он как облако. Как живое облако. И тёплый. И... он мурлычет?

Я прислушалась. Из груди лиса доносился низкий, вибрирующий звук. Урчание. Он урчал, как огромный довольный

кот.

— Белый... — прошептала Харука, не сводя глаз с лиса. — Как в легендах. Помнишь, нам в школе рассказывали? Белые лисы — посланники Инари. Священные животные. Они приходят к тем, кого выбрали.

— Да, — я продолжала гладить Рэна между ушами. — Наверное, из питомника. Совсем ручной.

Лис фыркнул. Громко. Возмущённо. Прямо мне в колени. Харука засмеялась.

— Смотри, Мэй! Ему не понравилось слово «ручной»! Ой, не понравилось! Ты видел его морду? Он сейчас как твой редактор, когда ты опаздываешь с главой!

Я посмотрела на Рэна. Он поднял голову с моих колен и уставился на меня. В янтарных глазах — ни капли покорности. Только возмущение. «Ручной? Я? Ты серьёзно?»

— Ладно-ладно, — я примирительно подняла ладони. — Не ручной. Дикий. Свободный. Сам по себе. Просто временно проживающий на моём диване.

Он фыркнул ещё раз уже тише, но всё ещё с достоинством и снова положил голову мне на колени.

— Временно проживающий, — повторила Харука и хихикнула. — Мэй, у тебя на коленях лежит посланник бога, а ты ему про питомник рассказываешь. Неудивительно, что он обижается.

— Да перестань, — сказала я, отмахиваясь от Харуки. — Легенды легендами, а реальность — реальностью. Надо бу-

дет развесить объявления. Вдруг он и правда сбежал из питомника? Или пропал у кого-то? Или выкрали и выбросили? Такое тоже бывает. Заведут экзотическое животное, а потом не справляются и выбрасывают на улицу.

Лис дёрнулся. Резко. Всем телом. Голова соскользнула с моих колен, и он уставился на меня. Янтарные глаза горели.

— Что? — я посмотрела на него. — Что я такого сказала?

Он не моргал. Смотрел на меня так, будто я только что произнесла что-то немыслимое. Будто идея о том, что его могли выкрасть и выбросить, была личным оскорблением.

— Мэй, — тихо сказала Харука, — по-моему, он не хочет, чтобы ты развешивала объявления.

— Но должны же быть какие-то хозяева...

Рэн поднялся. Встал на все четыре лапы. Посмотрел на меня, потом развернулся и пошёл в спальню. Хвост мелькнул в дверном проёме.

— Ну вот, — пробормотала я. — Обиделся.

— Не обиделся, — Харука покачала головой. — Просто ты его недооцениваешь. Он не из питомника, Мэй. Ты сама это знаешь.

— Ой, Харука, — я махнула рукой и откинулась на спинку дивана. — Ты фантастики перечитала. Это просто лис. Большой. Белый. Наглый. Который почему-то живёт у меня. Но всё равно лис.

— Ну а вдруг? — Харука прищурилась и подалась вперёд. — Вдруг в нашем мире тоже магия есть? Просто мы её не

замечаем? Вдруг он и правда посланник? Или дух? Или оборотень?

— Ага, ага, — я закивала с серьёзным лицом. — А я тогда балерина.

Мы переглянулись и засмеялись. Харука схватила за живот, я чуть не опрокинула остатки соджу на блокнот. Отсмеявшись, мы ещё долго сидели, глядя на дверь спальни, за которой скрылся белый лис.

— Балерина, — повторила Харука, вытирая слёзы. — С твоим-то ростом? Ты скорее гимнастка.

— А ты тогда принцесса из дорамы.

— Я и так принцесса. Мне Хиро вчера так и сказал.

— Серьёзно?

— Серьёзно. «Ты моя принцесса с лестничной клетки».

Глава 13. Сон

Я подпрыгнула в кровати рано утром. Стук в дверь...Я протерла глаза и глянула на часы. Восемь утра. Кого принесло в такую рань? Харука вчера ушла поздно, вряд ли вернулась бы. Может, Судзуки-сан с печеньем? Или Ямада-сан решил проверить, не сожгла ли я флигель?

Я прошла в прихожую, щёлкнула замком и открыла дверь. На пороге никого.

Пустой двор. Мокрая от росы трава. Кусты сирени. Тишина. Только ветер шумит в кронах. Я уже собиралась закрыть дверь, когда опустила взгляд. На коврике лежала коробочка. Маленькая. Тёмно-красная. Перевязанная фиолетовой лентой.

Я взяла её, огляделась. Никого. Ни шагов, ни шороха. Тишина. Я закрыла дверь, заперла замок и прошла в гостиную. Лиса не было. Опять убежал. Видать, по лисьим делам в лес. Мышей ловить. Или духов навещать. Или чем там занимаются белые лисы по утрам.

Я села на диван, открыла коробочку и замерла.

Внутри, на тёмном бархате, лежало кольцо. Платиновое. Тонкая, изящная работа — не массовое производство, не ширпотреб. Лисья голова, выгравированная с невероятной детализацией — острые уши, вытянутая мордочка, хитрый прищур. А вокруг — языки пламени, обрамляющие лисью

морду, будто она возникает из огня. И глаза. Два маленьких жёлтых камушка, которые горели даже в тусклом утреннем свете.

— Какая красота... — выдохнула я. — Боже...

Я перевернула кольцо. Никаких надписей. Никаких инициалов. Просто кольцо. Просто великолепное, явно дорогое, уникальное кольцо.

— Харука, что ли, прикалывается? — пробормотала я, хотя в глубине души знала, что Харука не могла. У Харуки не было денег на платину и янтарь. И она бы обязательно подписала открытку с сердечком и шуткой про лисов.

Я вытащила кольцо из коробочки и примерила на безымянный палец. Оно село идеально. Как влитое. Словно его делали специально для меня. Лисья морда смотрела на меня с моего собственного пальца и жёлтые камушки-глаза сверкали так, будто подмигивали.

— Красиво... — прошептала я. — Очень красиво.

Я покрутила рукой, разглядывая кольцо со всех сторон. Лисья морда смотрела на меня, жёлтые камушки-глаза сверкали. Интересно, сколько оно стоит? Такая работа явно не из дешёвых. И кому пришло в голову оставить его на моём крыльце в восемь утра?

Я ещё раз посмотрела на коробочку. Ни записки. Ни подписи. Ни намёка. Только фиолетовая лента, как символ любви и страсти и тёмно-красный бархат.

— Харука, — пробормотала я, — если это ты, я тебя убью.

А если это сталкер, который написал «Рэн Камисиро» в моём блокноте, то ты вообще псих.

Я сняла кольцо, положила обратно в коробочку и закрыла крышку. Надо будет спросить у Харуки. И у Судзуки-сан. И, может, у Ямады-сан — вдруг он видел, кто приходил.

Но колечко красивое. Очень.

Я услышала движение. Лис зашёл в комнату. Он остановился, посмотрел на коробочку в моих руках. И рыкнул.

— О-о-о, — я открыла коробочку. — Смотри, Рэн. Видать, фанаты прознали про новую мангу. Смотри, какое кольцо прислали. Красивое, да?

Он подошёл ближе. Аккуратно зубами вытащил кольцо из коробочки и положил мне на колени. Потом сел. Уставился на меня. Ждал.

— Ты хочешь, чтобы я надела?

— Фыр.

— Ладно. Уговорил.

Я надела кольцо на палец. Платина холодно скользнула по коже. Лисья голова с янтарными глазами уставилась на меня.

— Доволен?

Он наклонил голову и лизнул мою руку. Прямо туда, где теперь сидело кольцо. Шершавый язык прошёлся по платине и по моей коже, а потом он посмотрел на меня.

— Ох, Рэн, — я улыбнулась и почесала его за ухом. — Тебе бы пару найти. Интересно, есть ещё белые лисички где-нибудь в лесу? Или в том же питомнике, откуда ты сбежал?

Он замер и уставился на меня.

— Что? — я невинно захлопала ресницами. — Тебе нужна подруга. Такая же белая, пушистая, с янтарными глазами. Будете вместе по лесу бегать мышей ловить, лисят растить.

Он фыркнул. Громко. Резко. Совсем не так, как обычно. Отвернулся. Прошёл к дивану, запрыгнул на него и демонстративно улёгся спиной ко мне. Хвост свесился с подлокотника.

— Ты чего? — я подавила смех. — Я же как лучше хочу. Одиному лису нужна пара. Это закон природы.

Он не шевелился, только хвост чуть дёрнулся. Я готова была поклясться, что если бы лисы умели хлопать дверьми, он бы именно это сейчас и сделал.

— Ладно, ты как хочешь, а я вздремну. Вечером встреча выпускников, надо быть в форме.

Он вильнул хвостом, но с дивана не слез.

Я прошла в спальню, зевая. Стянула шорты, бросила их на стул. Потянулась к футболке. И тут заметила, что Рэн уже не на диване. Он стоял в дверях спальни. Смотрел.

— Что? Так и будешь смотреть?

Он подошёл. Мягко, бесшумно и потёрся о мою ногу головой, боком — всем своим огромным пушистым телом. Тёплая шерсть скользнула по голой коже, хвост обвил мою лодыжку.

— Ты как кот, честное слово, — пробормотала я. — Только большой. И наглый.

Он снова потёрся. Урчание разлилось по комнате низкой вибрацией.

— Лис-извращенец, — сказала я, залезая под одеяло в лифчике и трусах. — Я запомню. Добавлю в мангу. Будет у меня персонаж — наглый белый лис, который подглядывает за героиней. И пусть все читательницы знают, с кого я его рисовала.

Рэн не ответил. Запрыгнул на кровать, потоптался, устраниваясь, и лёг рядом — большой, тёплый, пушистый. Я повернулась на бок, поправила подушку и провалилась в сон.

И мне приснился он.

Не лис. Мужчина. Тот самый — из храма. Но теперь всё было иначе. Я не стояла у торий, не смотрела на него со спины. Я была с ним. Рядом. Близко. Так близко, что чувствовала тепло его тела сквозь шёлк каригину.

Он обнимал меня. Его руки лежали на моей талии — горячие, сильные, надёжные. Я не видела его лица — сон не показывал, будто скрывал в тумане. Но я чувствовала его. Запах леса и благовоний. Дыхание, которое касалось моего виска. Длинные белые волосы, что щекотали мою щёку, когда он наклонялся ближе.

А потом он поцеловал меня.

Медленно. Нежно. Его губы нашли мои — тёплые, мягкие, уверенные. Он целовал так, будто ждал этого. Будто имел право. Будто я действительно была его женой — не в шутку, не в легенде, а по-настоящему.

Его пальцы скользнули по моей спине — едва касаясь, очерчивая линию позвоночника. Я выгнулась навстречу. Он целовал мои веки. Мои скулы. Мою шею. Я слышала его дыхание — неровное, глубокое. Чувствовала, как его руки сжимают меня крепче, притягивая ближе, вжимая в его грудь.

Мы опустились на что-то мягкое. Его белые волосы рассыпались по моим плечам, смешиваясь с моими чёрными. Алая лента соскользнула и упала куда-то в темноту. Я пыталась разглядеть его лицо — но видела только глаза. Янтарные. Горящие.

Он целовал мои плечи. Мои ключицы. Ниже. Его губы были горячими, требовательными, но осторожными. Я запустила пальцы в его волосы, притянула ближе. Он прошептал что-то — я не разобрала слов, только звук, только низкий вибрирующий голос, который прошёл сквозь меня, как тёплый ветер.

Всё, что я рисовала в своей манге, происходило со мной. Каждое прикосновение. Каждый поцелуй. Каждая линия, которую я выводила пером на бумаге, ожила и обрела вкус, запах, жар. Он любил меня — не торопясь, не жадно, а так, будто у нас была вечность. Будто мы встречались так уже сотню жизней подряд и встретимся ещё сотню после.

А потом он замер, прижавшись лбом к моему лбу. Его дыхание смешалось с моим. И я услышала — отчётливо, ясно, как никогда:

— Ты моя. Всегда была моя. Всегда будешь.

Я проснулась.

Резко. С колотящимся сердцем. С пылающими щеками. Одеяло сбилось, подушка съехала. В комнате было жарко, душно, хотя окно было приоткрыто. Я лежала, глядя в потолок, и пыталась отдышаться.

Это был сон. Просто сон. Очень... детальный сон.

Я скосила глаза в сторону. Рэн лежал рядом. Не спал. Его голова покоилась на подушке, в каких-то сантиметрах от моего лица. Янтарные глаза смотрели прямо на меня и сверлили взглядом. Пристально. Не мигая.

Я натянула одеяло до подбородка.

— Даже не спрашивай, что мне снилось.

Он облизнулся. Медленно. Протяжно.

— Рэн!

Он положил морду на лапы и прикрыл глаза, но кончик хвоста, свесившийся с кровати, тихо и довольно покачивался.

Глава 14. Рэнносукэ Сирояма

Я посмотрела на часы. Уже за полдень. Вот это я поспала. Встреча выпускников через пару часов, а я ещё даже не красилась.

Села на кровати, потянулась. Рэн всё так же лежал рядом, прикрыв глаза и притворялся спящим. Я точно знала, что притворялся, потому что кончик хвоста всё ещё покачивался.

Взяла телефон с полки. Сообщение от Такахаси-сана.

«Мэй-тян. Посмотрел наброски и синопсис. Это совершенно другой уровень. Совершенно. Огонь есть. Загадка есть. Постельная сцена — смело, но не пошло. И лис хорош. Жду полную первую главу через три дня. P.S. Фамилия Камисиро — отличный выбор. Звучит, как настоящая.»

Я глянула на Рэна. Тот открыл один глаз. Посмотрел на меня. Закрыв обратно.

— Такахаси-сан одобрил пилот, — сказала я.

Он фыркнул, не открывая глаз.

Я вскочила с кровати. Рэн тут же поднял голову. Наблюдал.

Я бегала по комнате как угорелая. Платье полетело на кровать. Туфли скромные, на небольшом каблуке, чтобы не мучиться весь вечер, нашлись в глубине шкафа. Я натянула платье, покрутилась перед зеркалом. Сидит идеально. Грудь,

талия, бедра — всё при мне. Волосы — длинные, чёрные — я крутила в локоны, ругаясь на плойку, которая никак не хотела нагреваться.

— Почему ты не сказал, что уже полдень? — бросила я через плечо. — Лежишь, смотришь, а времени вообще нет!

Рэн лежал на кровати, положив морду на лапы, и смотрел. За каждым моим движением. Как я бегаю в лифчике и трусах по комнате. Как натягиваю платье. Как крашу ресницы перед зеркалом, высунув язык от усердия. Глаза его не отрывались от меня ни на секунду.

Кольцо — платиновое, с лисьей головой и янтарными глазами — я так и не сняла. Пусть будет. Как знак, что я пишу мангу про лиса. Что это мой талисман.

Супер.

Я подвела губы блеском, поправила локон, ещё раз оглядела себя в зеркале. Хороша. Реально хороша. Давно я такой себя не видела.

Повернулась к кровати, развела руки в стороны.

— Ну что? Нравится?

Лис поднял голову. Оглядел меня с головы до ног медленно, придиричиво. Задержал взгляд на кольце. На вырезе платья. На завитых локонах. И фыркнул.

— Что значит «фыр»? Это одобрение или критика?

Он спрыгнул с кровати, подошёл ко мне. Обошёл вокруг. Остановился. Посмотрел снизу вверх. И снова фыркнул на этот раз тише, мягче, почти довольнo.

— Ладно, — я улыбнулась. — Засчитаем как комплимент. Веди себя хорошо, пока я буду на встрече выпускников. Никого не кусать, ничего не ронять. Понял?

Он зевнул и вернулся на кровать, всем видом показывая: без тебя тут будет скучно, но так и быть, иди, раз надо.

Я вышла из дома, оставив Рэна дрыхнуть на кровати. Автобус, как назло, опаздывал, так что до школы я добиралась в лёгком волнении — поправляла локоны, проверяла телефон, крутила кольцо на пальце. Платиновая лисья морда грела кожу.

Школа встретила меня праздничным гулом. Триста лет — не шутка. Двор был украшен фонариками и лентами с гербом школы — кисть и лисья голова, наш старый символ творчества и хитрости. Выпускники толпились у входа, обнимались, смеялись, хлопали друг друга по плечам. Кто-то приехал с детьми, кто-то с мужьями и жёнами. Пахло жареным моти, сладкой ватой и весенними цветами.

Харуку я заметила сразу. Она стояла у ворот в ярко-алом платье, которое кричало «я тут!» громче любого фейерверка, и отчаянно махала мне рукой.

— Мэй! Ты выглядишь потрясающе! — она подлетела ко мне, схватила за плечи и покрутила. — Я же говорила, что это платье — бомба! А волосы! А туфли! Мэй, да ты у нас красавица, когда не в толстовке!

— Харука, успокойся. Ты сама выглядишь как звезда до-

рамы.

— Я и есть звезда дорамы. У меня Хиро есть. Кстати, он тоже придёт позже. Сказал, что хочет посмотреть на мою школу. И на тебя. Я ему уже все уши прожужжала про свою лучшую подругу-мангаку.

— Харука!

— А что? Он должен знать, с кем имеет дело. Слушай, — она вдруг понизила голос и схватила меня за локоть, — инвестор скоро прибудет. Все уже на ушах. Семпай портфолио приготовили, Киёми-семпай вообще целую презентацию сделала, представляешь? А Накамура-семпай где-то мольберт раздобыл. Я боюсь, что они его просто разорвут.

— Инвестора или мольберт?

— Инвестора! Мольберт не жалко.

Мы засмеялись. Харука тараторила без умолку — кто приехал, кто как выглядит, кто с кем разговаривает. Ямамото-семпай действительно приехал из Токио, стоял у художественного крыла с кожаной папкой под мышкой, всё такой же высокий, с тёплой улыбкой. Я хотела подойти поздороваться, но не успела, так как толпа мягко начала двигаться в стороу ворот школы, словно поток реки.

К воротам школы подъехал белый «Мерседес».

Не просто белый. Ослепительно белый. Сияющий. Дорогой. Такой, что все головы повернулись разом. Толпа затихла. Дверца открылась и из машины вышел парень.

На вид лет двадцать семь. Короткие платиновые волосы,

почти белые, уложены небрежно, но явно в салоне. Широкие плечи. Костюм — тёмно-серый, сидящий идеально, явно сшитый на заказ. Без галстука, верхняя пуговица рубашки расстёгнута — стильно, смело, неформально. Но главное глаза. Карие, светлые, тёплые, почти медовые, и в них, когда он повернул голову к заходящему солнцу, отразился янтарь.

Харука вцепилась в мой локоть мёртвой хваткой.

— Мэй, — прошептала она. — Смотри. Смотри какой. Для манги — самое то! Ты только посмотри! Платиновые волосы! Плечи! А глаза! Ты видела его глаза?! Это же готовый персонаж! Бери, пока никто не увёл!

— Харука, он не персонаж, он инвестор.

— А я о чём! Инвестор — это ещё лучше! Персонаж денег не приносит, а этот приносит! Мэй, познакомься с ним! Покажи ему свои наброски! Про лиса! Про Рэна! Он должен это увидеть!

Парень тем временем обвёл взглядом школьный двор, улыбнулся и направился к группе учителей, которые уже спешили ему навстречу. Директор жал ему руку, учителя кланялись. Он отвечал кивками, говорил что-то негромкое, и было видно, что он привык к вниманию, но не кичится им.

— Мэй, — Харука всё ещё сжимала мой локоть, — я серьёзно. У тебя с собой наброски? Покажи ему. Такой шанс выпадает раз в жизни. Он же ищет художников! А ты — художник! Всё сходится!

— У меня с собой ничего нет. Только телефон.

— Телефон — это всё! Откроешь фотки, покажешь! Он должен увидеть твоего лиса. Твой стиль. Твой огонь. Мэй, я тебя умоляю. Ради меня. Ради твоей манги. Ради всех одиноких мангак, которые мечтают, чтобы их заметили.

Я засмеялась и покачала головой. Харука была неудержима.

Я отбивалась от Харуки, но куда там. Харука тащила меня как буксир, пробиваясь через толпу выпускников, учителей и семпаев с портфолио. Её алое платье мелькало в толпе, как сигнальный флаг, и люди расступались, кто с удивлением, кто с улыбкой, а кто и с завистью. Ещё бы — не каждая подруга готова идти на таран ради твоей карьеры.

— Харука, перестань! Я не готова! У меня даже визитки нет!

— Какая визитка?! У тебя есть талант! Это главное!

— Харука!

Но она уже не слушала. Она врезалась в группу людей, окружавших инвестора, как ледокол в арктические льды, и громко, на весь школьный двор, объявила:

— Господин инвестор! Господин инвестор! Вот талантливая девушка!

Я замерла. Просто замерла, как статуя, которую случайно поставили не в тот зал музея. Инвестор обернулся. Те самые карие глаза с янтарным отливом посмотрели прямо на меня. Брови чуть приподнялись. На губах появилась лёгкая, вежливая улыбка.

— Талантливая девушка? — переспросил он. Голос у него оказался низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. — Это всегда интересно.

Харука подтолкнула меня в спину. Я чуть не споткнулась о собственные туфли.

— Мэй, — сказала я, пытаюсь собрать остатки достоинства. — Мэй Аикава. Мангака. То есть... я рисую мангу.

— Мангу, — он кивнул. — Какую именно?

— Сейчас... сейчас работаю над новой. Фэнтези. Про лисов. И храмы. И...

— Про лисов, — он вдруг улыбнулся чуть шире. — Любопытно. У вас есть с собой что-то, что можно посмотреть?

Я не успела открыть рот, как Харука защебетала как птичка. Она расхваливала меня на все лады — талантливая, подающая надежды, лучшая мангака своего поколения, её работы ждёт весь мир. Я стояла рядом и мечтала провалиться сквозь землю. Асфальт под ногами, к сожалению, был прочным.

— У неё совершенно новый проект! С лисами! С храмами! С такой романтикой, что закачаешься! Вот, смотрите!

Она вырвала у меня телефон. Прямо из рук. Я не успела даже пискнуть. Харука открыла галерею, нашла фотки набросков и сунула телефон прямо в лицо инвестору.

— Вот! Смотрите! Это главный герой! Красивый, да? А вот это их первая встреча! А вот здесь они уже в храме! А

здесь...

Она перелистнула на постельную сцену.

Боже.

Ту самую. Где он держит её за подбородок. Где её голова запрокинута. Где его губы на её ключице. И ниже. И ещё ниже. С анатомическими подробностями, которые я так тщательно прорисовывала.

Я стояла вся красная как рак. Уши горели. Щёки пылали. Шея пошла пятнами. Я пыталась выхватить телефон, но Харука держала его крепко, как чемпион по армрестлингу.

— А это, — она сияла, — постельная сцена! Видите, как прорисовано? Какой свет? Какая композиция? У Мэй талант! Настоящий талант!

Инвестор медленно перевёл взгляд с телефона на меня. Я готова была поклясться, что в его светлых глазах мелькнула искра.

— Постельная сцена, — повторил он, и уголки его губ дрогнули. — Очень... детально.

— Я... это... редактор просил... — пробормотала я, мечтая, чтобы асфальт наконец сжалился и разверзся подо мной. — Это пилот новой манги. Пока не опубликовано.

— Жаль, — сказал он и вернул телефон. — Было бы интересно прочитать.

Он хотел сказать что-то ещё, но его взгляд вдруг опустился на мою руку, где было кольцо. Платиновая лисья голова с янтарными глазами блестела на пальце.

— Красивое кольцо, — он чуть склонил голову. — Вы в браке?

Я вспыхнула ещё сильнее. Казалось, краснее уже некуда, но организм нашёл резервы.

— Нет! Нет-нет. Это подарок. Просто подарок. Никакого брака. Я не замужем. Вообще.

Он улыбнулся. Спокойно. Сдержанно. Но в светлых глазах снова мелькнула та самая искра.

— Просто подарок, — повторил он. — Что ж, Мэй-сан. Ваша подруга права. У вас талант. Я бы хотел обсудить ваш проект подробнее. Когда у вас будет время?

Я открыла рот.

— У меня много времени! Сегодня... завтра... послезавтра... в любой день!

— Сегодня, — он чуть улыбнулся. — Сейчас, если вы не против.

— Она не против! — тут же вклинилась Харука.

Я бросила на неё взгляд, который должен был испепелить подругу на месте, но Харука была невосприимчива к моим испепеляющим взглядам уже десять лет.

Инвестор слегка поклонился — вежливо, по-деловому, но с какой-то неуловимой грацией.

— Позвольте представиться. Рэнносукэ. Рэнносукэ Сирояма. Можно просто Рэнносукэ.

— Рэнносукэ, — повторила я, пробуя имя на вкус. Длинное, старомодное, благородное. — Красивое имя.

— Благодарю. А ваше имя — Мэй, верно?

— Да. Просто Мэй.

— Просто Мэй, — он снова улыбнулся. — Редкое имя для редкого таланта. Ну что, Мэй-сан, может, отойдём в более тихое место? Там, кажется, есть скамейки у художественного крыла и вы расскажете мне о своём проекте. Без посредников, — он бросил весёлый взгляд на Харуку.

— Я вас оставлю! — Харука замахала руками и попятилась. — Мне ещё Хиро встречать! Мэй, я в тебя верю! Покажи ему всё! Всё-всё!

И она исчезла в толпе, оставив меня наедине с платиновым незнакомцем по имени Рэнносукэ.

Глава 15. Разговор

Мы сели на скамейке у художественного крыла. Старая сакура цвела вовсю: розовые лепестки мягко опадали на асфальт, на скамейку, на моё тёмно-синее платье. Ветер подхватывал их, кружил в воздухе и уносил куда-то к школьному пруду. Рэнносукэ сидел рядом — чуть поодаль, соблюдая дистанцию, но достаточно близко, чтобы я чувствовала лёгкий запах его парфюма. Что-то древесное. Тёплое.

Я рассказывала о манге. Сначала сбивчиво: про сны, про храм, про лиса, который приходит к героине. Но постепенно разошлась, увлеклась, начала жестикулировать, как всегда, когда говорила о работе. Он слушал. Внимательно. Не перебивал. Только изредка кивал, и в его светлых глазах отражались лепестки сакуры.

— У вас очень живая история, — сказал он, когда я наконец замолчала, чтобы перевести дух. — Чувствуется, что вы вложили в неё что-то личное.

— Наверное. Сама не знаю, откуда это берётся. Просто садишься и рисуешь.

— Так бывает, когда история хочет быть рассказанной. Не вы её выбираете, она вас.

Я улыбнулась. Он говорил, как редактор. Или как писатель. Интересно, он сам что-то пишет?

— Вот моя визитка, — он протянул мне карточку. Плот-

ная бумага, строгий шрифт, минимум деталей. Наши пальцы соприкоснулись, когда я её принимала. У него были тёплые пальцы. Совсем не холодные, как можно было ожидать от человека в деловом костюме.

— Спасибо, — я убрала визитку в сумочку. — Я позвоню. Обязательно.

Он снова посмотрел на мою руку. На кольцо.

— Простите, что возвращаюсь. Но ваше кольцо... Оно выглядит редким. Ручная работа, верно?

— Вы разбираетесь в украшениях?

— Немного, — он чуть улыбнулся. — Но это не просто украшение. Вернее, не обычное. Лис в огне — символ кицунэ, храмов Инари. Такие вещи не делают массово. Это ручная работа и очень старая техника.

Я посмотрела на кольцо. Платиновая лисья морда в обрамлении пламени. Два янтарных глаза.

— В летописях такие кольца называли кольцами жён духов, — продолжал он. Голос его стал тише, мягче, будто он рассказывал старую сказку. — По преданию, его дарили тем, кого выбирали кицунэ. Не просто людям. Избранным. Жёнам.

— Красивая легенда, — сказала я.

— Да, — он кивнул. — Очень красивая. Это вам для раздумий, — он кивнул на кольцо. — Может, отразите в манге. Будет хорошая деталь.

— Обязательно подумаю над этим, — я всё ещё разгля-

дывала лисью морду на пальце. — Спасибо за идею.

— Вы сейчас работаете в издательстве?

— Да, как фрилансер. Сотрудничаю с одним редактором уже три года. Такахаси-сан. Строгий, но справедливый.

— Фрилансер, — повторил Рэнносукэ. — Это свобода, но и нестабильность. Дедлайны, переработки, никаких гарантий.

— Это моя жизнь, — я пожала плечами. — Я к ней привыкла.

Он помолчал, глядя на падающие лепестки сакуры. Потом повернулся ко мне.

— Хорошо. Я был бы рад взять вас в штат. Здесь, в Киото. Люблю этот город. У меня тут бизнес и скоро будет запуск нового проекта — анимационная студия. Мне нужны талантливые художники с живым воображением, с огнём. Вы подходите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.